

© 2019 г.

В. Л. МУСАТОВ

ПЕРЕСТРОЙКА ГЛАЗАМИ СОТРУДНИКА МЕЖДУНАРОДНОГО ОТДЕЛА ЦК КПСС

Мусатов Валерий Леонидович – кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный посол в отставке, Заслуженный работник дипломатической службы Российской Федерации (Москва, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640004847-9

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Обычно я в шутку говорю, что до 1991 г. моя работа и жизнь проходили между двумя площадями в Москве – Старой площадью и Смоленской площадью. Но где бы я ни работал – в аппарате ЦК КПСС или МИД СССР – в сфере моей деятельности оставались страны Восточной Европы, наше сотрудничество с бывшими социалистическими государствами, членами Варшавского Договора, особенно с Венгрией. Работе в этой красивой, своеобразной стране было отдано – в три захода – 18 лет моей жизни. В советское время по окончании МГИМО в 1964. мне довелось работать сначала в МИД СССР, в том числе в посольстве СССР в Венгрии, но сравнительно недолго, затем в аппарате ЦК КПСС – семь лет в венгерском секторе Отдела ЦК КПСС. Потом опять вернулся в систему МИД, с 1973 г. работал советником в советском посольстве в Будапеште (всего проработал там 11 лет, из них с 1979 по 1984 г. на должности советника-посланника). С января 1984 г. я снова трудился в должности заведующего сектором Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. Сначала в моем ведении были связи с Венгрией, затем прибавилась еще и Румыния. С конца 1988 г., когда М. С. Горбачёвым были объединены все международные структуры аппарата ЦК, отдел наш стал называться Международным. Его возглавил В. М. Фалин. В новом раскладе я занимался теперь всеми европейскими социалистическими странами и партиями¹.

Должен сказать, что вопреки нынешней политической моде и высказываниям некоторых своих бывших коллег я не склонен бранить порядки и стиль работы Отдела ЦК. Это был квалифицированный коллектив специалистов, отличавшийся большой работоспособностью, слаженностью действий, пониманием долга и высокой дисциплиной. Работники Отдела умели анализировать текущие и долгосрочные события международной жизни и находить то, что соответствовало национальным интересам нашей страны. У Отдела ЦК было свое вполне определенное место, свои задачи в рамках политики КПСС в отношении социалистических стран, включая Китай. Активность Отдела зависела и от его руководителей. На разных стадиях истории Отделом ЦК руководили Ю. В. Андропов (собственно говоря, Отдел соцстран был создан под Андропова), К. Ф. Катгушев, К. В. Русаков и В. А. Медведев.

Из заместителей заведующего выше других я поставил бы О. Б. Рахманина и Г. Х. Шахназарова, двух фронтовиков, людей разных по характеру и взглядам, не любивших друг друга, но преданных делу, которому они честно служили.

¹ Подробнее см.: *Мусатов В. Л.* Второе «освобождение» Восточной Европы. М., 2016.

Рахманин, человек самостоятельный, международник со стажем, не сошелся с В. А. Медведевым. Говоря откровенно, его стали выпихивать из аппарата ЦК. Он не воспринял курс Горбачёва и вынужден был покинуть Старую площадь. Нашел себе работу в Институте военной истории Минобороны СССР, отказавшись от директорства в Международной Ленинской школе (Институт общественных наук при ЦК КПСС).

Известный политолог Г. Х. Шахназаров пришел в Отдел ЦК как консультант, затем стал заместителем заведующего. В этом качестве он занимался польскими делами на всех этапах кризиса в этой стране, готовил материалы для комиссии М. А. Суслова. Назначенный при Медведеве вторым заместителем заведующего (чтобы ограничить сферу деятельности О. Б. Рахманина) он недолго проработал в Отделе ЦК, так как был приглашен на пост помощника по соцстранам к Горбачёву. Ранее на этой должности работал В. В. Шарапов, журналист-международник, китаист, на самом же деле кадровый офицер ПГУ КГБ. Но новый Генсек избавлялся от людей Андропова. Шахназаров прослужил у Горбачёва до конца, практически до развала Советского Союза, занимаясь различными вопросами — от демократии (в Советском Союзе и бывшем соцсодружестве) и до проблем Карабаха. Перемены в бывших соцстранах он считал обоснованными, но их «крутизна» вызвала вопросы. «Шах» (так мы его называли) говорил, что никто не ожидал, что «так рванет».

Экспертный и научный потенциал Отдела был на весьма приличном уровне, его создавал еще Андропов. Имена Ф. М. Бурлацкого, Г. А. Арбатова, Г. Х. Шахназарова, А. Е. Бовина, Н. В. Шишлина, О. Т. Богомолова, Ю. А. Пекшева и других консультантов Отдела ЦК говорят о многом. Состав работников Отдела был в основном стабильным, а пополнения шли чаще всего за счет кадров МИД, научных учреждений, реже — КГБ, Минобороны и СМИ.

Постепенно все оперативные Отделы аппарата ЦК, беря пример с Отдела ЦК, обросли консультантскими группами. В годы перестройки член Политбюро, секретарь ЦК Е. К. Лигачев и его последователи пытались ввести правило, что в аппарат ЦК принимают на работу только людей, побывавших на выборной партийной работе, но применительно к двум международным отделам эта норма нередко нарушалась. Хотел бы заметить, что Международные отделы ЦК дали нашей Родине немало известных послов, дипломатов, крупных ученых и журналистов.

Могу сравнить уровень работы в Отделе ЦК и в МИД как в советское, так и в постсоветское время. Вне всякого сомнения, сравнение говорит в пользу Старой площади. К сожалению, такой степени компетентности и ответственности, как в былые времена в партаппарате, сейчас в госучреждениях нет, хотя количество чиновников, уровень материальных благ и различных льгот выросли неизмеримо, не говоря о расцвете бюрократии. Настоящей бедой стала коррупция, поразившая сферы бизнеса, госучреждений, здравоохранения, образования и даже правоохранительных органов. Борьться с коррупцией при помощи общественных палат, народных фронтов, Счетной палаты, конечно, можно, даже нужно. Но вряд ли эта практика принесет желаемый результат. Вероятно, требуются более глобальные и жесткие меры, а не только либеральные рассуждения.

Что касается вопроса, чем я занимался на Старой площади до 1991 г., то могу сказать следующее. В 1984–1991 гг. в аппарате ЦК КПСС в круг моих обязанностей сначала как заведующего сектором Отдела ЦК КПСС, а с 1989 г. заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС (с весны 1991 г. — первого заместителя) входили двусторонние (партийные и межгосударственные) связи, региональные и общие проблемы стран Восточной Европы. Это касалось Польши, ГДР, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии и Албании. Позже к моему рабочему участку прибавились Китай и азиатские соцстраны, а также регион Ближнего Востока. Мы готовили материалы к встречам с лидерами социалистических стран. Изучали проблемы смены общественного строя в странах Восточной

Европы. Внимательно отслеживали положение в Азии. Приходилось выезжать в эти страны — или в составе делегаций или самостоятельно. Например, перед визитом в Советский Союз китайского лидера Цзянь Цзэмина я примерно неделю работал в Пекине, согласовывая с китайскими коллегами текст совместного документа о визите в Советский Союз председателя Центрального Военного Совета КНР, генерального секретаря ЦК КПК.

Мне довелось посетить Ливан, Израиль, Абу Даби, Вьетнам, Лаос, Кампучию, четыре раза — Китай. В соцстранах Восточной Европы катилась волна перемен. Надо было знакомиться с обстановкой, с новыми политиками, причем не только из состава компартий, искать возможности для сотрудничества. Памятными для меня остались поездки в Чехословакию (затем после 1990 г. в Словакию), Польшу, Румынию, ГДР и Венгрию. В 1990 г. вместе с членом ЦК КПСС Б. И. Стукалиным присутствовал в качестве наблюдателя на парламентских выборах в Болгарии. Наш Отдел представил руководству КПСС несколько прогнозных записок с предложениями относительно возможностей сотрудничества с нашими соседями в Европе, с акцентом на предотвращение усиления антисоветских настроений, националистических тенденций.

Любопытными были взаимоотношения Международного Отдела с куратором А. Н. Яковлевым. Меня, например, он осенью 1989 г. отправил в Прагу, но запретил проявлять инициативу, только наблюдать. С В. Гавелом не велено было встречаться, оставался Л. Адамец и его команда. По возвращении из Чехословакии он просил меня звонить ему по телефону в любое время. А то, дескать, «президент спрашивает о чем-то, а он не знает». Яковлев, распровавшись с постом секретаря ЦК и уходя на работу в Кремль к Горбачёву, устроил проводы с Международным отделом. На этом партсобрании один наш консультант, Я. Шмераль, сказал ему, что вместо КПСС нужно образовать «партию честных людей». Яковлев поддержал эту идею, он выступал за создание социал-демократической партии.

В 1989—1990 гг. в аппарате ЦК, как и во всей партии, усилились разброд и шатания. В результате парламентских выборов 1989 г. и разнузданной критики деятельности КПСС ее роль и влияние уменьшились. Шли непрерывные реорганизации государственных структур, чем подменялись истинные реформы. Сокращались штаты партии. Люди, в том числе авторитетные и ответственные, уходили со Старой площади в поисках работы. Кто-то уходил в знак протеста, кто-то по шкурным соображениям. Обострялись взаимоотношения с МИД. Это было заметно на примере германского вопроса, смены подходов к разоружению. Но министр Э. А. Шеварднадзе устанавливал монополию и в кадровых делах. Наш заведующий, секретарь ЦК КПСС В. М. Фалин предпринял попытку спасти хотя бы часть опытных кадров, в том числе устроить некоторых своих заместителей (Р. П. Федорова, Г. С. Остроумова, В. Л. Мусатова, В. П. Ткаченко и др.) послами в страны Восточной Европы и Азии. М. С. Горбачёв одобрил представленный небольшой список имен. Но вмешался Шеварднадзе и всю затею поломал, так как у него были свои планы. Так я не попал в 1990 г. послом в Венгрию, туда был направлен бывший заместитель министра И. П. Абоимов. На германское направление МИД двинул В. П. Терехова, в Румынию — Ф. П. Богданова, в Польшу — Ю. Б. Кашлева. В Прагу был послан Б. Д. Панкин. Мне же было велено своим начальством ждать новых распоряжений.

До конца 1990 г., до отъезда в ФРГ на работу корреспондентом журнала «Свободная мысль» (прежний «Коммунист»), моим куратором по вопросам социалистического содружества был Р. П. Федоров, занимавший пост первого заместителя заведующего Международным Отделом ЦК. Это был эрудированный международник, с германским уклоном, великолепно владевший немецким языком. Свою карьеру он начинал на заграничной работе, в нелегальной сети ГРУ. Это обстоятельство, насколько я знаю, помешало ему стать послом в ГДР. Известный журналист, спичрайтер Брежнева А. Е. Бовин пишет о том, что Федорова собирались

направить послом в ФРГ, однако возразил МИД СССР. Но с Фалиным Федоров остался на дружеской ноге. Немецкие социал-демократы из фонда Эберта дружески приняли Федорова, помогали ему и его семье, когда врачи нашли у него раковое заболевание, вскоре унесшее его в мир иной.

Другим первым заместителем по капиталистическим странам и «третьему миру» был К. Н. Брутенц (1924–2017), человек талантливый, решительный и весьма амбициозный. Кстати, его книгу «Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке» (М., 2005.) считаю лучшей работой о Горбачёвской перестройке. С конца 1990 г. он собирался переходить в президентский аппарат на должность советника президента, как ранее это сделал другой наш первый заместитель В. В. Загладин. Не знаю, в какой степени Брутенцу помогал с переходом в Кремль помощник президента А. С. Черняев, много лет проработавший вместе с Брутенцем в старом Международном Отделе ЦК у секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарёва. Но в политической неразберихе того времени решение вопроса в администрации президента затянулось до весны 1991 г. Многие сотрудники Международного Отдела расценили уход двух «начальников» как бегство крыс с корабля. Брутенц устроил в Отделе собственные проводы (с маленькими бутылочками кока-колы на столе). Встреча, как сам он позднее признал, прошла в грустной атмосфере. Мне пришлось сказать в своем выступлении, что Отделу приходится разгребать завалы прошлых лет, например, заниматься переоценкой роли Советского Союза в венгерских событиях 1956 г. или обоснованностью ввода войск пяти соцстран в Чехословакию 21 августа 1968 г. На это Карен Нерсесович сказал: «А что мы могли сделать? О вводе войск я узнал 20 августа. Все начальники молчали. Придя вечером домой, с горя выпил бутылку коньяка. Вот и все. А потом пришлось годами обсуждать с представителями зарубежных партий причины наших действий».

В обстановке сокращения численности аппарата ЦК и изменения его функций мне как новому первому заместителю заведующего Международным Отделом предстояло совместить два направления — оперативная и информационно-аналитическая работа, что вообще представлялось непростым делом, а тем более в условиях активного отстранения КПСС от власти. Отношения с Фалиным и другими секретарями ЦК были корректными, но в круг ближайших друзей своего заведующего я не входил. Что касается политической перспективы, то впереди были сплошные неясности. Опросы общественного мнения показывали, что политику КПСС поддерживают примерно 30% советских граждан. Мне тогда казалось, что КПСС (или, вероятнее всего, другая по названию левая партия) сможет пройти через парламентские выборы и будет играть, даже без отмененной 6-й статьи Конституции, важную роль в общественно-политической жизни. Хотя в стране и в партии ощущался сильный антикоммунистический дух, не верилось, что политическое устройство страны будет разрушено. Действительность оказалась несравненно более сложной, чем наши «мечтания».

После распада Советского Союза и прекращения существования КПСС наступила вынужденная пауза в моей работе, с горестными размышлениями и душевными терзаниями. До сих пор считаю, что на нашем поколении лежит ответственность за то, что не сумели сохранить Советское государство — Советский Союз, завещанный нам отцами и дедами, прошедшими Великую Отечественную войну и одержавшими великую победу над фашизмом.

Но жизнь продолжалась. После самокритичных раздумий я начал подыскивать себе работу в сфере научных исследований, защитил кандидатскую диссертацию по истории политических кризисов в Восточной Европе в 1956–1981 гг. С 1994 г. работал в Дипломатической академии МИД. Но не счел необходимым присоединяться к новым политическим партиям. Решил, что можно оставаться человеком левых, социалистических убеждений и без членства в партии, тем более что КП РФ — это далеко не КПСС.

В 1996 г. по приглашению первого заместителя министра иностранных дел Б. Н. Пастухова (очевидно, с согласия министра Е. М. Примакова) я вновь вернулся на Смоленскую площадь, где требовались кадры для работы на новом направлении – СНГ. В аппарате МИД России я проработал с 1996 по 2000 г. во 2-м Департаменте стран СНГ (отношения с Украиной, Белоруссией и Молдовой), занимая должности зам. директора и директора департамента (директором ранее был И. С. Савольский). Короткое время был членом коллегии МИД РФ. В 2000 г. министр иностранных дел И. С. Иванов рекомендовал меня послом в Венгрию, высказав пожелание о необходимости активизации связей с этой страной. Пять с половиной лет, на последнем витке своей дипломатической карьеры, я трудился на посту посла РФ в Венгрии и одновременно являлся представителем России в Дунайской Комиссии. Считаю, что мне удалось оживить связи с Венгрией, причем с основными политическими силами: с социалистами, либералами и право-христианским блоком В. Орбана.

В 2003 г. указом президента России В. В. Путина был удостоен звания «Заслуженный работник дипломатической службы Российской Федерации». Еще раньше получил «благодарность» президента РФ за участие в подготовке договора о Союзном государстве с Белоруссией. После выхода на пенсию в 2006 г. работал в различных научных и государственных учреждениях, написал три книги научно-мемуарного характера – «Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе. 1956–1981» (М., 1996); «Россия и Восточная Европа. Связь времен» (М., 2008); «Россия в паутине глобализации» (М., 2010) и множество журнальных статей. Сейчас подготовил новую книгу, подводящую итоги жизненного пути и представляющую плод размышлений о том, как и почему произошло крушение нашей некогда великой страны и распад ее союза с друзьями – соседями.

* * *

На рубеже 80–90-х годов XX в. в Советском Союзе и социалистических странах Восточной Европы, составлявших международную военно-политическую группировку – Организацию Варшавского Договора, которая была сердцевинной более широкой неформальной коалиции – социалистического содружества, развернулся процесс политической и социально-экономической трансформации, призванной согласовать ожидания ее инициаторов, прежде всего нового Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва (с 1990 г. ставшего одновременно первым (и, как оказалось, последним) Президентом СССР), динамизировать экономику и улучшить ее качественные параметры, поднять народное благосостояние, расширить гласность, демократизировать политическую систему и общественную жизнь. Тем самым предполагалось укрепить позиции и престиж мирового социализма. Попытки обновления «реального социализма» предпринимались в различных социалистических странах и Советском Союзе и ранее – так было после смерти Сталина в 1953 г., после XX съезда КПСС в 1956 г. и особенно в 60-е годы, но они терпели неудачу главным образом из-за негативного отношения догматических, консервативных сил в руководстве КПСС и других компартий. На этот раз мощный импульс процессу перемен, а в их необходимости мало кто уже сомневался, наблюдая нарастание трудностей в развитии социалистических стран, дала Москва своей перестройкой с ее лозунгами ускорения, гласности, демократизации и нового мышления. Но довольно быстро на фоне затяжного социально-экономического и политического кризиса во всех европейских соцстранах, который приобрел к 80-годам системный характер, и под влиянием перемен во внешней политике Советского Союза, прежде всего, провозглашенной «свободы выбора», обстановка начала коренным образом меняться – вместо обновления социализма и демократизации общества, вместо модернизации экономического базиса во всех европейских соцстранах произошло дальнейшее обострение кризисных процессов, нарушение стабильности и управляемости развития, ослабла роль компартий, являвшихся долгие годы

единоличной руководящей силой государственного и общественного устройства, и соответственно активизировались и легализовались оппозиционные, антисоциалистические силы.

В обстановке быстрого перехода к рыночной экономике и политическому плюрализму, на фоне активизации оппозиционных движений, поощряемых с Запада, развернулся демонтаж существовавших политических и социально-экономических систем, что в итоге закончилось тотальной сменой общественного строя в этих странах. В потоке кардинальных перемен, который затронул и институты сотрудничества, в том числе коллективные организации соцстран — ОВД и СЭВ, каждая социалистическая страна была занята своими проблемами, все больше искала помощи на Западе, не надеясь уже на советских «братьев». О союзнической, интернациональной солидарности, о совместном поиске путей перехода на новые орбиты развития, о чем говорилось вначале, было начисто забыто. Пример подобного отношения демонстрировал Советский Союз, который ранее провозглашал приоритет своих отношений с социалистическими странами, призывал к совместной защите социалистических завоеваний, а теперь фактически отстранился от забот и трудностей содружества социалистических государств и все более терял интерес к Восточной Европе. Основное внимание советского руководства во главе с Горбачёвым было направлено на формирование новых, неконфронтационных отношений с США и западными странами в духе нового мышления и деидеологизации международных отношений. Горбачёв выдвигал разнообразные, порой несбыточные, предложения по разоружению, прежде всего ракетно-ядерному, а также по выводу советских войск из Афганистана, из стран Восточной Европы, Монголии и Кубы. Помимо демонстрации миролюбивого курса, к таким шагам Москву подталкивал экономический и финансовый кризис, поразивший советскую экономику. Прекращение «холодной войны» позволяло, как казалось, насытить потребительский рынок, сократить вооруженные силы и снизить военные расходы, ставшие непосильными для народного хозяйства. Но эти меры не могли дать быстрого результата. По мере радикализации перестройки, а фактически ломки плановой системы и хозяйственного механизма, нарастала зависимость Советского Союза от западных партнеров в финансово-экономической сфере, что стало определять многие ключевые положения внутренней и внешней политики страны.

Идя на уступки во внешнеполитической сфере, отказываясь от традиционных позиций в сфере международной безопасности, которых придерживались советские вожди — И. В. Сталин, Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов и многолетний глава дипломатии Советского Союза А. А. Громыко, опиравшиеся на победоносные итоги Второй мировой войны и на достигнутый ракетно-ядерный паритет, Горбачёв, пытался договориться с США и западными странами, добиться от них поддержки политики перестройки, абстрагируясь от идеологических расхождений. Подвергаясь резкой критике в собственной стране и партии за провал перестроечных преобразований, ощущая развал системы управления и наблюдая рост националистических, сепаратистских тенденций в союзных республиках, он видел выход в изменении конструкции СССР как федерации и одновременно пытался спасти собственные позиции как общегосударственного лидера, хотя в условиях все более обостряющегося противостояния с Б. Н. Ельциным и стоявшими за ним силами, подталкивающими распад СССР, шансы Горбачёва на лидерство неуклонно уменьшались. Всего Генеральный секретарь ЦК КПСС (1985—1991) — Президент СССР (1990—1991) находился у власти в течение шести лет, но преуспел много с точки зрения развала некогда мощного государства. После провала попытки выступления сил, стоявших за сохранение СССР, что получило в истории название «путча ГКЧП», дело быстро пошло к развязке — Горбачёв терял властные функции, он отказался от функций генсека ЦК, фактически порвал с КПСС, а с подписанием Беловежских договоренностей в декабре 1991 г. был вынужден уйти в отставку

и с поста президента. Советский Союз перестал быть субъектом международного права. В этом заключается основной итог Горбачёвской перестройки.

М. С. Горбачёв, как правило, ссылается на то, что его политика перестройки повернула Россию на путь демократии, свободы и гласности, что благодаря новому мышлению было покончено с «холодной войной». Но следует разобраться, кого, как и куда «повернуло»? Советского Союза уже нет. Вместо некогда мощного и единого государства, в котором начиналась перестройка, после 1991 г. возникли новые независимые государства, причем процесс их формирования сопровождался кровопролитными конфликтами на территории бывшего Союза ССР. Простой перечень этих конфликтов говорит сам за себя — Карабах, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Таджикистан, Баку, Сумгаит, Фергана. Не надо забывать и о событиях октября 1993 г. в Москве, апофеозом которых был расстрел из танковых орудий здания Верховного Совета России. И как можно говорить о мирной трансформации нашего государства, когда по неофициальным подсчетам в конфликтах, порожденных распадом бывшего СССР, погибли от 100 до 600 тыс. человек, а примерно 5 млн человек стали беженцами². А сколько русских оказалось за пределами России?

Погиб ли мировой социализм? Конечно, нет. Идеи не умирают. После 70 лет существования потерпела поражение модель сталинского, государственного социализма, а эксперименты с его реформированием и демократизацией оказались неудачными. Идея «демократического социализма» не получила в нашей стране теоретического обоснования и практического воплощения, оставшись только упомянутыми в документах последнего, XXVIII съезда КПСС. Однако в новых, более сложных геополитических условиях продолжается строительство социализма в трех странах — в Китае, Вьетнаме и на Кубе, которые не ангажировались с советской перестройкой и сохранили основы социалистического строя в их ленинском варианте. О приверженности социалистическим идеям заявляют руководители ряда стран Африки и Латинской Америки. Современный социализм развивается с учетом конвергентных тенденций, национальной специфики и особенностей современного глобализма, но, разумеется, и с учетом уроков поражения государственного социализма в 80–90-х годах в Восточной Европе и Советском Союзе.

Если присмотреться предметно к турбулентным процессам 1989–1990-х годов, то при общности кризисной экономической базы и стремлений народов к свободному волеизъявлению, к демократии революционные перемены проходили в различных формах и на различных уровнях: их согласовывали на «круглых столах» и закулисных переговорах представителей власти и оппозиции, именно там достигались принципиальные договоренности, а перемены закреплялись на первых многопартийных, свободных выборах или в ходе массовых демонстраций и забастовок. Но в целом перемены шли мирным, эволюционным путем, хотя темп их был высоким. В Румынии, где Н. Чаушеску до последнего цеплялся за свою диктаторскую власть, отдавал приказы о применении оружия против демонстрантов, произошло народное восстание вкупе с заговором части бывшей политической и военной элиты. В Болгарии социалисты, преемники компартии, пытались приспособиться к новой обстановке, даже выиграли первые парламентские выборы в 1990 г., собрав 50% голосов, но затем быстро уступили президентскую власть оппозиции. Весьма болезненным и кровавым был процесс распада СФРЮ, бывшей Югославии и отделения Косово от Сербии. США и НАТО довели дело до военных действий, до бомбардировок, приведших к гибели многих мирных граждан. До сих пор ведутся дискуссии о сути событий в той или иной стране. Сами революции не получили еще строгой дефиниции, хотя чаще всего их определяют как «демократические», «антибюрократические», «антикоммунистические» и «анти тоталитарные». Очевидно, справедливо мнение российских исследователей из Института славяноведения

² *Иванов Н.* Цена поражения. — Эксперт (специальный номер), 26.XII.2011–15.I.2012, № 1 (784).

РАН, что «в какой-то степени эти революции были одновременно и контрреволюциями, так как не только ликвидировали существующий строй, но и реставрировали предыдущий, пусть и на совсем другой стадии развития»³.

Распад Советского Союза – это самостоятельный крупный вопрос, но на эту крупнейшую геополитическую катастрофу, как назвал ее президент В. В. Путин, не могли не повлиять события в Восточной Европе. Можно сказать, что обратная связь сработала. Поистине тектонические перемены в соседних союзнических странах повлияли на общественное мнение и активность критиков социализма в Советском Союзе и приблизили бесславный конец, фактически распад первого в мире «социалистического государства рабочих и крестьян», ускоренного бурными дискуссиями вокруг политики перестройки, проекта нового Союзного договора и неуклюжей попытки ГКЧП остановить разрушение государства. Сыграла свою роль слабость КПСС, отягощенная двурушничеством и предательством многих ее руководителей. Все «песни» западной пропаганды о всеилии партийного аппарата оказались, как выяснилось, к сожалению, вымыслом. В конце 80-х – начале 90-х годов XX в. компартия в СССР оказалась оторванной от народа, превратилась в аморфную, недееспособную организацию.

Распад Советского Союза породил крупнейший сдвиг в международной обстановке, в мировом раскладе сил. Ведь в одночасье развалилась вторая супердержава мира, причем без военного поражения, разрушения экономики и других катаклизмов. Под грудой мнимых, клеветнических и действительных обвинений КПСС, как и компартии в бывших соцстранах ЦВЕ, пассивно восприняли гибель социалистического общественного строя. Нигде не было попыток протеста, демонстраций или проявления других форм защиты исторических завоеваний рабочего класса и крестьянства. Политическая сила, называемая авангардом общества, стыдливо отказывалась от власти, смирившись с начавшимся переходом от социализма (каким бы он ни был на практике) к государственному капитализму.

С исчезновением на политической карте мира Советского Союза баланс международных сил и интересов изменился однозначно в пользу США. Исчерпывающих объяснений этого геополитического и идеологического феномена по сей день нет, если только не считать за них американские заявления о победе США в «холодной войне», об историческом провале коммунизма и о преимуществах современного капитализма. Процессы, порожденные распадом СССР, исчезновением биполярного мира, отнюдь не завершились, о чем свидетельствует острейший кризис на Украине и попытки «цветных революций» в других странах, а также глобальное усиление международного терроризма.

* * *

В настоящих воспоминаниях, написанных на основе изучения российской и зарубежной научной и мемуарной литературы, знакомства с материалами отечественных и зарубежных архивов, с учетом личных впечатлений автора, накопленных за годы работы в системе МИД СССР и аппарата ЦК КПСС, предпринята попытка осмыслить кардинальные перемены в нашей стране и у наших восточноевропейских соседей на переломе двух столетий, разобраться в их истинных – объективных и субъективных причинах. Не мне судить, насколько удалось разрешить эту нелегкую задачу или приблизиться к ее выяснению.

Работая над воспоминаниями, в которых речь идет об исчезновении с мировой политической карты Советского Союза и содружества социалистических государств, я знал, что за истекшие десятилетия интерес к данной теме значительно уменьшился. Сейчас немногих людей волнуют причины провала перестройки,

³ Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя. М., 2011, с. 4.

распада социалистического лагеря и т.д. Поезд истории пошел дальше. Современные молодые люди, идущие на смену старшего поколения, поверхностно знают историю, однако полностью интереса к ней не утратили. Ясно, что крутой поворот 1989–1991 гг. не может вызывать положительных эмоций у большинства наших людей. Ностальгия по советским временам живет. Согласно опросам «Левада-центра» 66% опрошенных сожалеют о распаде СССР. В результате провала перестройки распался Советский Союз, нет КПСС, наследницы партии большевиков, которая возглавляла после Октябрьской революции 1917 г. процесс строительства нового социалистического общества и создания мощного многонационального государства. В 1991 г. прекратила свое существование военно-политическая коалиция социалистических стран – Организация Варшавского Договора. А ведь объективно настроенные историки отмечают, что Варшавский Договор, подписанный в мае 1955 г. в ответ на вхождение ФРГ в НАТО, сыграл важную роль в сохранении мира в Европе и мире, он надежно обеспечивал безопасность СССР и государств – членов ОВД. Понятие европейской безопасности в наши дни изменилось. По мнению политиков Вашингтона, оно теперь непременно включает расширение НАТО на Восток и его приближение к границам России.

В 1991 г. был распущен также и СЭВ, созданный еще в далеком 1949 г. Сталиным для оказания взаимопомощи и выравнивания экономических уровней стран народной демократии, будущих соцстран. Наши друзья из стран Восточной Европы нередко критиковали медлительность СЭВ, жесткость и бюрократизм принятых в нем процедур, им хотелось получать больше льгот и больше сырья и энергоносителей из СССР. По мере усиления кризисных явлений в советской экономике наши бывшие союзники, восточноевропейские страны проявляли все больше интереса к установлению связей с ЕЭС, предшественнику ЕС. А западные страны поощряли этот интерес. Замечу, что ЕЭС возникло позже, чем СЭВ, но в своем развитии прошло ряд промежуточных стадий и теперь, являясь уже ЕС, имеет наднациональные органы и полномочия, общую валюту, банк, единую внешнюю политику, шенгенское пространство и т.д., что позволяет решать проблемы адаптации новых своих членов более решительно, не церемонясь с суверенитетом и национальными интересами, чтобы обеспечить единство действий и конечную конвергенцию. Но евроскептики не без основания заявляют, что в нынешнем ЕС существует несколько уровней интеграционных процессов, для его коренных, первоначальных членов и для остальных. Вообще для политики Евросоюза характерно проявление мифов и реальностей, что зримо ощущают государства – участники из региона Центральной и Юго-Восточной Европы, особенно на фоне мирового кризиса, финансовых проблем Греции и других стран ЕС, а также умопомрачительной эпопеи с беженцами из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Отсутствие суверенной внешней политики ЕС приводит к слепому следованию за американцами, к поддержке всякого рода ограничительных мер и применению санкций против России. Напомню, что в прошлом Советский Союз и страны – члены СЭВ стались, причем не единожды, с политической эмбарго, проводимой Западом. Но в конечном итоге западные ограничения удавалось преодолевать благодаря согласованным действиям соцстран.

В любой сфере – в политике, экономике, в области обороны, в сфере культуры и науки – у Советского Союза и соцстран имелся богатый опыт полувекового общения и совместных выступлений. Не всё в этом опыте безупречно, но без знакомства с накопленным политическим и экономическим опытом затруднительно налаживать сотрудничество в современных условиях между Россией и Европой, между Россией и государствами Восточной Европы. Все разговоры о связях с «чистого листа» не более, чем легковесная болтовня. В российской внешней политике, в нашей внутренней политической практике постепенно изживается пренебрежение к советскому опыту. Слава богу, что не слышно больше заявлений на высоком

уровне о том, что советский период — это аномалия, его следовало бы вычеркнуть из российской истории.

За 70 лет существования Ялтинско-Потсдамской системы в международных отношениях можно насчитать множество региональных или глобальных кризисов, но все-таки «холодная война» не переросла в новый мировой конфликт, дело не дошло до третьей мировой войны. Советская дипломатия оставила нам богатое наследство, особенно по части разруливания критических ситуаций в биполярном мире. Полагаю, что сейчас при планировании внешнеполитических мероприятий должен изучаться не только зарубежный, но и советский подход к созданию глобальных и региональных объединений, к вопросам поддержания международной безопасности, осуществления политики ракетно-ядерного разоружения, борьбы с терроризмом и преодоления религиозного экстремизма. Изучение советского периода позволяет делать поучительные выводы, имеющие отношение к проектам взаимодействия России и других государств СНГ, завершения формирования Евразийского Экономического Союза и его взаимоотношений с ШОС, БРИКС и ЕС. Нельзя просто так строить стратегические отношения с Китаем, не зная и не учитывая уроков прошлых десятилетий (даже столетий) в сотрудничестве двух стран. Никуда нам не деться от замечаний, что в напряженной обстановке последних лет Россия в ряде случаев превращается в младшего партнера Китая.

На первых этапах постсоветского периода страны Центральной и Юго-Восточной Европы, вступив на тропу евроатлантизма и присоединившись к НАТО и ЕС, опасаясь неравного партнерства, пытались как-то координировать свои действия, например, через региональное объединение — Вышеградскую группу. В этом объединении стремится верховодить Польша, но особой роли в европейской политике «вышеградский клуб» не играет. Но группа является полезной, так как аккумулирует позиции ее участников в конфликтных ситуациях.

Брюссель пытается сейчас приблизить к себе страны СНГ, ослабить их связи с Россией, действуя через так называемое «Восточноевропейское партнерство». Но кроме обещаний и небольшой по размерам кредитной помощи для Украины, Европейский Союз пока ничем другим, даже принятием решения о снятии визовых ограничений на туристические поездки для украинцев, похвастать не может. Экономические итоги интеграции восточноевропейских стран с Европой не слишком впечатляющие и финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. наглядно это продемонстрировал.

Существует много иллюзий относительно равноправного участия стран ЦВЕ в определении направлений политики «большой Европы». Кризисные проявления внутри ЕС в связи с потоками беженцев с Ближнего Востока и Африки показали значение национальных интересов, привели к краху политику мультикультуризма. Президенты и премьер-министры бывших соцстран регулярно участвуют в работе высших форумов ЕС и НАТО, но внутри этих группировок их голос не всегда слышен.

Кризис на Украине нарушил многие каналы общеевропейского и регионально-го взаимодействия. Вооруженный конфликт на юго-востоке, фактически гражданская война, был порожден узколобой, националистической политикой Киева. Нынешние правители Украины, пришедшие к власти в результате государственного переворота, опираются на поддержку Вашингтона. Имперско-диктаторское поведение США при президенте Д. Трампе толкает ЕС и его восточноевропейских участников к усилению противостояния с Россией. О единой Европе — от Атлантики до Тихого океана (от Лиссабона до Владивостока) забыто. Западные санкции против России отравили атмосферу сотрудничества, об этом говорит все большее число западноевропейских политиков. Наши ответные шаги (в том числе продуктовое эмбарго) также задевают интересы европейских стран. Объемы торговли стран Восточной Европы с Россией серьезно уменьшились. В целом потери стран ЕС от введения санкций по некоторым подсчетам превышают 100 млрд евро. Но тем не менее

продление санкций против России опять одобрено всеми странами ЕС. Параллельно США наращивают свое военное присутствие в ЦВЕ, расширяют НАТО, усиливают потенциал быстрого реагирования блока, ссылаясь на российскую угрозу. Мало кому из европейцев нравится перспектива взвинчивания напряженности на континенте. США пытаются под предлогом кризиса на Украине и обострения ситуации на Ближнем Востоке, вокруг Сирии и Ирака отеснить Россию и одновременно прочнее привязать к своей колеснице европейские и арабские страны. Поведение США – свидетельство их намерения сохранить все атрибуты сверхдержавы.

История повторяется, американцы делают те же ошибки, что и в послевоенный период, когда они пытались закрепить свою ядерную монополию. Но мир меняется, в Вашингтоне не могут не замечать, что попытки раскачать ситуацию в России, используя экономические трудности, добиться смены режима власти дают обратный результат. О росте патриотических настроений российского населения наглядно свидетельствовали поддержка воссоединения Крыма с Россией, массовое участие наших граждан в акции «Бессмертный полк» в связи с 70-летием Победы. Об усилении сплочения нашего общества говорят итоги президентских выборов 2018 г. 62% населения одобряют деятельность президента В. В. Путина. Эта тенденция, несмотря на обострившиеся экономические и социальные проблемы в 2015–2016 гг., замедление темпов развития страны, продолжается. На нее позитивно влияет активизации российской внешней политики, сумевшей в чрезвычайно трудной ситуации дать ответ на вызовы глобальной ситуации и добиться успехов в отстаивании национальных интересов и в борьбе с международным терроризмом. Но первостепенную важность в укреплении имиджа России имело бы, конечно, восстановление устойчивого развития российской экономики, усиления нашего экспортного потенциала. Этот фактор играл огромную роль и в Советском Союзе, позволяя стабилизировать политический курс.

ВТОРОЕ «ОСВОБОЖДЕНИЕ» ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. ПОЛИТИКА ГОРБАЧЁВА В ОТНОШЕНИИ СТРАН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА

В начале 80-х годов в мире было две сверхдержавы – США и Советский Союз, каждая из которых являлась самостоятельным полюсом мировой политики и международных отношений. От их конфронтации или диалога в вопросах безопасности и разоружения, от степени их сотрудничества и партнерства в вопросах мировой политики и экономики зависел мир на земле. Глобальная роль СССР сформировалась постепенно в течение ряда десятилетий, она была подтверждена и выстрадана советским народом, внесшим решающий вклад в разгром гитлеризма в ходе Второй мировой войны, она была защищена и усилена в результате многолетней борьбы и труда всего советского общества в послевоенный период, в годы «холодной войны». Большим достижением Советского Союза было обеспечение паритета ракетно-ядерных вооружений с Соединенными Штатами Америки, что было официально признано Вашингтоном в начале 70-х годов. В любой сфере – военно-политической, экономической, научно-технической, культурной и идеологической наши противники и соперники, прежде всего, США и ведущие западные державы, вынуждены были считаться с СССР.

Если обращаться к истории, то Россия проделала гигантский путь после двух революций 1917 года и гражданской войны. В условиях огромных внутренних и внешних трудностей, ценой трагических ошибок и заблуждений, приведших к многочисленным людским и материальным потерям, в нашей стране был создан новый строй, осуществлена ускоренная модернизация народного хозяйства, созданы индустриальный фундамент и крупнотоварная аграрная база. Именно под лозунгами социализма в короткие исторические сроки на территории бывшей царской империи, где с 1922 г. существовало новое многонациональное

государство – СССР, состоялся переход к индустриально-аграрному обществу, на основе дружбы народов сложилась новая общность – советский народ. Процесс перемен был неимоверно тяжелым. Но как отмечал известный историк Э. Хобсбаум, «в истории XX в. нет лучшего примера того, как отсталая страна превратилась в передовую»⁴. В конце 30-х годов государство диктатуры пролетариата, руководимое компартией – ВКП(б), окрепло, свидетельством чего явилось принятие в 1936 г. демократической по всем параметрам конституции. Однако режим власти в стране оставался авторитарно-командным, под руководством «вождя» И. В. Сталина сложился симбиоз государства – партии. Но в обстановке, когда в Германии и Италии при потворстве западных демократий усиливался фашизм, нарастал милитаризм в Японии и в целом надвигалась угроза нового передела мира, новой мировой войны, одно существование СССР, его пример (при всех ошибках и изъянах в его политике) несли миру позитивные импульсы, давали надежду людям прогрессивных, демократических убеждений. Именно Москва внесла большой вклад в образование антигитлеровской коалиции и играла активную роль в военно-политической деятельности этого уникального союза. Вклад Советского Союза в разгром гитлеровской Германии и ее союзников огромен, это вынуждены признавать даже недруги нашей страны. На Москву, особенно после победоносного 1945 г., ориентировались многие политические силы в мире, что способствовало победе народно-демократических, социалистических революций в ряде стран Восточной Европы и в Китае. Успехи антиколониальных движений, процесс обретения независимости десятками государств Африки и Азии были неразрывно связаны с антиимпериалистической политикой Советского Союза и социалистических стран.

В то же время в 60-е годы для советской правящей элиты, да и для серьезных зарубежных аналитиков, не являлось секретом, что мобилизационные ресурсы сталинской системы управления почти исчерпаны, выдерживать экономическое соревнование и конфронтацию с империализмом, поддерживать ракетно-ядерный паритет с американцами и вкладывать огромные средства в дальнейшую гонку вооружений становилось для нашей страны все труднее и труднее. Возникал вопрос, куда приведет нас и весь мир такая траектория движения.

С конца 50-х годов в народном хозяйстве СССР нарастало напряжение, связанное с постоянным увеличением расходов на оборону, на ракетно-ядерное вооружение и с необходимостью изыскания средств для подъема сельского хозяйства и роста народного благосостояния. Попытки преобразований, призванные поднять экономическую эффективность, в том числе экономическая реформа 1965 г., связанная с именем А. Н. Косыгина, тормозились догматизмом верхушки, трениями между ведущими членами Политбюро ЦК КПСС и идеологическим фактором.

Реформу критиковали многие, в частности, за частнособственнические тенденции. Но есть свидетельства того, что, например, «серый кардинал» советской партийной верхушки М. А. Суслов отнюдь не случайно критически оценивал экономическую реформу. Якобы, он сказал Косыгину, что возражает потому, что в стране нет кадров, способных осуществить такое крупномасштабное мероприятие. Нельзя без тщательной подготовки, в том числе переучивания кадров, браться за реформу. Ю. В. Андропов высказывал опасения, что предлагаемые Косыгиным темпы реформирования могут привести к размыванию социально-политического строя.

Темпы прироста национального дохода за три последние советские пятилетки снизились более чем вдвое. В декабре 1969 г., выступая на Пленуме ЦК КПСС, Брежнев попытался дать анализ успехов и трудностей, отнеся к числу объективных трудностей не только климатические условия, но главным образом осложнения в международной обстановке: «Это – агрессия США во Вьетнаме, война на Ближнем Востоке, обострение отношений с Китаем, серьезные трудности, с которыми

⁴ Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов-на-Дону, 1999, с. 251–252.

столкнулся социализм в Чехословакии. Вы знаете, что все эти события были не только политическим испытанием для нашей страны, но возложили немалую и к тому же, конечно, не предусмотренную планами дополнительную нагрузку на советскую экономику». Генеральный секретарь пояснил членам ЦК: «...уклониться от такого рода расходов мы не могли — и не только потому, что это значило бы уклониться от выполнения своего революционного интернационального долга. Все это также дела, непосредственно затрагивающие государственные интересы нашей страны, национальные интересы советского народа»⁵.

В 80-е годы, когда резче проявлялись как объективные трудности, так и субъективные просчеты все более стареющего партийно-государственного руководства, Советский Союз вступил с грузом серьезных проблем. По сути дела в стране разворачивался системный кризис. Динамика развития по-прежнему уменьшалась, экономика была сверхзатратной, она была перенапряжена военными расходами, милитаризация страны была недопустимо высокой. Развиваться дальше только за счет военно-промышленного комплекса становилось невозможным, хотя американцы все время пытались нарушить военно-стратегический паритет при помощи новейших военных технологий, вынуждая советское руководство принимать вызов более сильного противника и идти на новые бюджетные затраты⁶. В гражданских отраслях падали темпы технического прогресса, уровень жизни стагнировал. Повторить показатели «лучшей» — восьмой пятилетки (а ведь это были годы «брежневского застоя», как считают теперь критики социализма) не удавалось, но все-таки ежегодный прирост ВВП составлял примерно 3%. Наши союзники по Варшавскому Договору, европейские социалистические страны, связанные внутриблоковой дисциплиной, держались в строю. В их политической элите, однако, возникали вопросы насчет дальнейшего пути. Реформаторски настроенные политики использовали благоприятные изменения в мировой обстановке, атмосферу разрядки для расширения связей с западноевропейскими странами и проведения частичных реформенных преобразований. Но у каждой из соцстран имелись немалые экономические трудности, росла внешняя задолженность, отмечалось падение темпов развития, а ведь их высокими показателями всегда гордился мир социализма. Степень политической и идеологической конфронтации в мире благодаря разрядке уменьшилась, но в целом она оставалась серьезным тормозящим фактором. Вместе с союзниками мы втягивались в сложный этап своего развития и мировой истории.

Вне всякого сомнения, возникла потребность глубокого анализа, проведения крупных реформ и вскрытия дополнительных резервов развития. Об этом говорил еще Андропов, ставший после Брежнева лидером страны, к сожалению, только на короткое время. Он подчеркивал необходимость разобраться в том, какое общество мы построили и какую имеем экономику. Но в тот момент Советский Союз был еще единой и мощной страной, общность советских людей была реальной. Союзническая система функционировала в целом удовлетворительно, у нее был определенный запас прочности. Большинство западных наблюдателей, анализировавших развитие Советского Союза, были убеждены, как отмечал Е. Т. Гайдар⁷, что советская экономическая и социально-политическая система утратила динамизм, она неэффективна, но стабильна. Они полагали, что эта система будет жить долго. Советские экономисты, лучше западных понимавшие как функционирует советская система, в подавляющем большинстве были согласны с тем, что хотя эта система неэффективна, но она тем не менее устойчива. «Понадобилось, — как писал наш известный дипломат Ю. А. Квицинский, — всего несколько лет так называемой “перестройки”, чтобы СССР сначала

⁵ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ), ф. 2, оп. 3, д. 168, л. 36–60.

⁶ Золотарев В. А., Путилин Б. Г. Месть за победу. Советский Союз и холодная война. М., 2014, с. 465.

⁷ Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2012, с. 189.

перестал быть великой державой, а затем и вовсе прекратил свое существование как субъект международного права. Этот удивительный феномен требует своего исследования и осмысления. Речь не идет о коллапсе некоего случайного, искусственного образования, а о трагедии тысячелетней России, существовавшей последние 70 лет под именем Советский Союз и достигшей при правлении КПСС наивысшего могущества и влияния в мире за всю историю нашего государства»⁸.

Весной 1985 г. после смерти Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко к власти в Москве пришел молодой и амбициозный политик М. С. Горбачёв, который с 1978 г. работал в Москве секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству, а после избрания в 1980 г. членом Политбюро стал выдвигаться на ведущие партийные роли. На фоне стариков он смотрелся неплохо. Его избрание Генеральным секретарем (в возрасте 54 лет) было встречено с надеждой как в партии, так и в народе, хотя было немало и сдержанных оценок.

Каковы были его долгосрочные планы и вообще имелась ли у Горбачёва продуманная политика? Какое значение в своей политике модернизации и обновления Советского Союза новый руководитель придавал внешнему фактору, в частности, сотрудничеству с социалистическими странами? Ответ на эти вопросы уже дала история — вот уже 30 лет как нет Советского Союза, нет КПСС, нет Организации Варшавского Договора (ОВД) и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), рухнули социалистические режимы в странах Центральной и Восточной Европы, причем наиболее драматическим образом, с кровопролитием, в Румынии и Югославии. Но социалистические идеи живут, в мире существует несколько социалистических проектов. Во многих странах, в том числе в России, действуют коммунистические партии. Компартия РФ, являющаяся парламентской, насчитывает примерно 160 тыс. членов.

На съездах Компартии РФ присутствует до 90 коммунистических и рабочих партий. Конечно, это в основном небольшие партии. Нет прежнего коммунистического движения, много лет опиравшегося на поддержку КПСС. Трудно подсчитать, сколько сил и денег было истрачено Москвой в послевоенный период на поддержку «левых сил». Например, в одном только 1990 г. Секретариат ЦК КПСС планировал выделить помощь левым рабочим организациям за рубежом в сумме 22 млн долл.⁹ Советские, да и китайские коммунисты стремились поддержать своих подопечных. Подобная практика всегда существовала в мире. Россия, насколько известно, не финансирует зарубежные левые, прокоммунистические партии и группы. Но в мире по-прежнему существуют политические силы, приверженные марксистским идеям.

Однако ответ на вопрос, возможен ли возврат в бывший «реальный социализм», очевидно, будет отрицательным. Об этом, в частности, заявил В. В. Путин на встрече с журналистами в декабре 2018 г. Возврат к однопартийности, к командно-административной системе, к всеобъемлющему директивному планированию и централизованному распределению ресурсов вряд ли может состояться, хотя сторонники такого пути существуют. Приведу мнение российского исследователя из Института экономики РАН Ю. К. Князева: «О полном возвращении не мечтают даже коммунисты. Они выступают за национализацию предприятий, эксплуатирующих принадлежащие всему народу недра, леса, водные ресурсы и выпускающие социально значимую продукцию типа алкоголя, табачных изделий и др. Об изъятии из частной собственности основной массы бизнеса речь не ведется, ибо это практически невозможно»¹⁰. Но в программе КПП задача мирного перехода к социализму не снята с повестки дня — «несмотря на временные отступления революционного движения, современная эпоха представляет собой переход от капитализма к социализму».

⁸ Наш современник, 2005, № 1.

⁹ РГАНИ, ф. 89, оп. 38, д. 55, л. 1–3.

¹⁰ Князев Ю. К. Современная экономика — синтез рынка и социального регулирования. М., 2014, с. 159.

В экономической теории, особенно под влиянием мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., оживился интерес к марксизму. Кризис показал, что неолиберальные теории на практике провалились. Об этом у нас в России убедительно заявляли видные ученые и политики – академики О. Т. Богомолов, Е. М. Примаков, Ж. И. Алферов, С. Ю. Глазьев и др. Красноречивый факт – в сильнейшей стране ЕС – Германии, согласно социологическому опросу населения, проведенному в августе 2010 г. по заказу фонда Бартельсманна, 88% населения высказались за установление нового экономического порядка, отличного от капитализма. В созидательную, самовосстанавливающуюся силу рыночных механизмов верила только треть опрошенных¹¹.

Но существовали ли альтернативы той политике в отношении мирового социализма и социалистических стран, которую с 1985 г. начал проводить Горбачёв со своим окружением? Эта политика вначале пользовалась поддержкой членов партии, особенно интеллигенции, привлекая призывами к более критичному подходу, к реализму и прагматизму. В современных дискуссиях высказывается несколько точек зрения на политику Горбачёва. Кто-то считает, что его политика не имела альтернатив, что он был прав, начав ломку «реального социализма», причем, как полагают сторонники этой точки зрения, итог его политики был предопределен, так как социализм был обречен, страна все равно пришла бы к тому, что мы пережили в 1991 г. Социализм (его советская модель) отступал, терпел поражения в соревновании с капитализмом, в «холодной войне» выиграли США и Запад. Горбачёв до сих пор жалеет об упущенных шансах перестройки и провале его идеи создания вместо старого Советского Союза нового объединения республик на базе Союзного договора. О своем идейном облике Горбачёв в 2005 г. говорил следующее: «Я много прожил, о многом передумал, через многое прошел и, в конце концов, пришел к социал-демократическому видению социализма. Для меня ближе всего сейчас свобода (это, кстати сказать, либеральная ценность), солидарность, социально ориентированная экономика и связанная с этим роль государства. Дальше я прокладываю путь к понятию “новая цивилизация”»¹².

Многие полагают, что Горбачёву не следовало предпринимать столь радикальных перемен. Можно было бы ограничиться определенным минимумом, не нарушающим динамическое равновесие общества и государства. Вспоминают Андропова, который говорил об осторожном, постепенном переходе к демократии в нашей стране. Он же говорил о нерешенности национального вопроса (точнее, о его решении только в том виде, в каком он был унаследован от царизма). Советское общество имело еще запас прочности, его хватило бы лет на 10–15 (кстати, это признавал позднее и сам Горбачёв), а за это время можно было бы во всех странах социализма основательно разработать реформы и начать их осмысленное осуществление. После провала попыток реформ 60-х годов и с учетом их опыта, особенно «Пражской весны», советский и восточноевропейский социализм в 80-годы еще сохранял определенную способность к реформированию в направлении демократического социализма. Опросы того времени показывали, что большинство советских людей считало, что необходимо изменение созданной системы «реального социализма», очищение его от деформаций и антиобщественных проявлений. Сторонники перехода к капитализму находились в меньшинстве. Но обновление и создание новых форм общественного устройства должно было проходить под руководством авторитетной политической силы или коалиции политических сил, должно было быть постепенным, без отрыва политики от экономики, без «шоковой терапии» и на базе широкой народной поддержки. Но Горбачёв, поддержанный доморощенными

¹¹ Neun von zehn Deutschen fordern neue Wirtschaftsordnung. – Spiegel, 18.VIII.2010.

¹² Неоконченная история. Три цвета времени. М., 2005, с. 35.

либералами, отверг эволюционный путь, связанной с именем Андропова, считая его «консервативной модернизацией».

Есть и такое мнение, что перестройка как социалистический проект содержала набор правильных идей, но отсутствовала четкая программа действий, не было системы приоритетов, не учитывались международные реалии. И не было команды достойных и способных руководителей, замена кадров проходила хаотично. Как лидер перестройки Горбачёв шаркался из стороны в сторону, много импровизировал, не имел ясной программы, а став Президентом СССР, уверовал в свою непогрешимость. От поста генсека ЦК КПСС он боялся отказываться, так как опасался отпустить КПСС в свободное плавание, но все более тяготился партийными обязанностями, тем более что сталкивался с сопротивлением партийной элиты и партаппарата. Не добившись ничего существенного в главной сфере — экономике, где от реформ люди ждали положительных перемен, прежде всего улучшения уровня и качества жизни народа, наполнения потребительского рынка, он начал ломать политическую структуру, отказываясь от ведущей роли КПСС, которая при всех своих изъянах являлась каркасом всей политической системы.

* * *

Ряд оппонентов и сторонников Горбачёва (Г. Х. Шахназаров, А. С. Черняев, Е. К. Лигачев, Н. И. Рыжков, В. И. Воротников, В. И. Болдин, К. Н. Брутенц, Н. Б. Биккенин), а также ученых, уже после 1991 г. пытавшихся более трезво и объективно разобраться в балансе объективных факторов провала и личных просчетов бывшего президента Советского Союза, отмечали, что политическая деятельность Горбачёва, имеющего университетское образование, складывалась под влиянием чрезмерного оптимизма, самоуверенности, аппаратной ловкости, приобретенной за годы работы в комсомоле и в КПСС, и в то же время провинциальной наивности. На определенной стадии отрицательную роль сыграли его непредсказуемость, неспособность планировать на перспективу и отвращение к традиционным методам и приемам властвования. «Это была личность, которая никогда не сомневалась в своем успехе», — пишет русско-американский исследователь В. Зубок¹³. Даже поклонники Горбачёва отмечают, что некоторые черты его личности сыграли роковую роль в период обострения кризиса, когда нужно было быстро наметить и реализовать программу действий, преодолеть разброд и идеологический раскол в партии и обществе. Вместо этого Горбачёв колебался, постоянно лавировал.

Мое отношение к М. С. Горбачёву достаточно сложное. С одной стороны, мне как заместителю заведующего Международным отделом ЦК довелось работать под руководством Генерального секретаря, готовить вместе с коллегами материалы к его переговорам, присутствовать на беседах с зарубежными социалистическими партнерами, сопровождать его во время поездок в некоторые соцстраны. Не скрою, что на первом этапе перестройки у нас, работников международных структур аппарата ЦК, преобладало воодушевление, хотя скептицизм начал усиливаться, особенно когда пошла бездумная ломка всего под предлогом обновления.

Конечно, Горбачёв был талантливым и харизматическим руководителем, он умел быть обаятельным человеком. Но в нем ощущалось тщеславие и самовлюбленность. Горбачёв буквально «таял» от похвал западных политиков, от криков толпы: «Горби, Горби!». Михаил Сергеевич отличался говорливостью и был мастером витиеватых, нередко двусмысленных выражений. Президент и Генеральный секретарь был властолюбив, но в мире социализма править без партии и массовой опоры не удастся никому. Не удалось это и Горбачёву, который в конце своей карьеры остался в окружении кучки лично преданных ему людей, вроде Черняева. Ближайшие

¹³ Зубок В. Неудавшаяся империя. Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачёва. М., 2011, с. 449.

единомышленники — Шеварднадзе, Яковлев и Медведев отделились от него. Целая группа политиков, начинавших с Горбачёвым перестройку, включая Рыжкова, Лукьянова и Лигачева, превратилась в его противников. Но была еще Р. М. Горбачёва, имевшая сильное воздействие на мужа. По-человечески можно понять переживания Горбачёва, потерявшего в сентябре 1999 г. свою жену и друга. Однокурсник Горбачёва и Раисы Максимовны по МГУ чех Зденек Млынарж (умер в 1997 г.), которого я отыскал по поручению генсека в ноябре 1989 г. в Праге и помог добраться до Москвы, рассказывал мне, что повстречавшись с четой Горбачёвых в декабре 1989 г. в «перестроечной» Москве после 22-летнего перерыва их дружеских связей, он был поражен тем, в каком одиночестве находится эта пара. Горбачёв и Млынарж несколько раз беседовали о перестройке, причем Млынарж, который в 1968 г. во время «пражской весны» был секретарем ЦК КПЧ, а затем во время «нормализации» был исключен из партии и вынужден эмигрировать в Австрию, доказывал необходимость глубоких экономических преобразований и повышения уровня жизни, призывал к осторожности в ломке государственных структур. Млынарж присутствовал на церемонии принятия Горбачёвым присяги в качестве президента СССР и нужно отметить, что он был отнюдь не в восторге от открывающейся политической перспективы. Млынарж и его однокурсник «Мишо» успели издать в 1995 г. небольшую книжку, содержащую их диалоги о судьбах социализма. Ее название было весьма характерное — «Не бывает счастливых реформаторов».

Но с другой стороны, память хранит много положительного и одновременно негативного или, по крайней мере, двусмысленного из политической практики тех лет. Например, в ноябре 1986 г. провели в Москве рабочую встречу лидеров соцстран, но сразу же забыли о том, что нужно не «галочки» ставить в политическом календаре, а последовательно работать над реализацией договоренностей. С большим трудом в 1988—1989 гг. наладили отношения с Китаем, но в июне 1989 г. были почти готовы осудить жесткий, с применением танков разгон демонстрантов в Пекине. Горбачёв стал гораздо сдержаннее, чем раньше, говорить о китайском опыте, что, однако, не помешало ему принять предложение Цзянь Цземина о китайском кредите в 1991 г. Китайцы же сейчас Горбачёва иначе, как «могильщик социализма», не называют.

Много было других странностей. Бухарест, 8 июля 1989 г. Встреча руководителей стран Варшавского Договора. Образно говоря, у нас дом горит, у соседей пошел оползень, шатаются стены, в Польше к власти пришла «Солидарность», а руководитель КПСС и Советского Союза разглагольствует: «Необходимо, оценивая происходящие в Советском Союзе перемены, приподняться с насиженных кресел, взглянуть на события с более высоких — исторических, философских позиций. Очень важно под таким углом зрения подойти к реальности, и тогда можно будет понять и теорию перемен, и политику перемен»¹⁴.

В таком же духе Горбачёв говорил с руководителями соцстран 4 декабря 1989 г. после встречи с Дж. Бушем на Мальте: «Вызовы времени мы ощущаем — штормит. И в это время особенно важно каждому в отдельности сохранять высоту взгляда, глубину анализа, ибо, действуя только как пожарник, реагируя лишь на ситуацию складывающуюся, можно с уверенностью сказать: ты проиграешь сражение. Поэтому надо видеть направленность перемен, рассчитывать наши шаги тактического плана и продвигаться к лучшей ситуации»¹⁵.

На этой встрече он критиковал запаздывание соцстран с принятием политических решений. Но сам допускал массу промедлений. Красноречивым примером колебаний было его отношение к экономической реформе. Его уход от ответственности выражался в затягивании с определением позиции по Катыни в 1989—1990 гг., хотя

¹⁴ Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. М., 2010, с. 112.

¹⁵ Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989—1991 гг. Документы. М., 2015, с. 90—91.

архивные документы находились буквально под боком у генсека. То же самое относилось к оценке ввода войск пяти соцстран в Чехословакию в 1968 г. Советский Союз произвел переоценку последним среди соцстран. Также было с пересмотром позиции по венгерской контрреволюции 1956 г. Его подтолкнула смена оценок Б. Н. Ельциным. Еще один, уже не исторический пример. Длительное время рассматривался вопрос о необходимости проведения коллективной встречи на высшем уровне для обсуждения обстановки в мире социализма. Об этом говорили М. Якеш, Н. Чаушеску и другие руководители. Наконец, на встрече лидеров соцстран в Москве 4 декабря 1989 г. советский президент соглашается с предложением. «Его не нужно снимать с повестки дня», — говорит Горбачёв. Но тут же следует — «я думаю, что сейчас, видимо, мы не сможем провести (встречу), но в принципе иметь в виду такую встречу нужно»¹⁶.

Наблюдая равнодушное отношение Горбачёва к окружавшим его людям, не могу считать его демократом. Не знаю, насколько искренним было отрицание Горбачёвым роли насилия в политике. Например, В. И. Болдин, многолетний руководитель аппарата Горбачёва, писал: «Те, кто знал его близко, никогда не могли понять, где начиналась и кончалась его искренность»¹⁷. В этой связи вспоминается, как 7 июля 1989 г. Горбачёв, прилетевший из Парижа на встречу руководителей соцстран в Бухаресте, пригласил нас с Р. П. Федоровым к себе. Во время чаепития, на котором присутствовали Раиса Максимовна и Г. Х. Шахназаров, Генеральный секретарь на наш вопрос, не следует ли применить более строгие меры, может быть, даже силу для наведения порядка у нас дома, резко ответил, что ни при каких условиях он не пойдет по этому пути. Но реальные факты свидетельствуют о том, что, опасаясь массовых протестных демонстраций, Горбачёв дважды давал согласие на ввод войск в Москву — в феврале и марте 1990 г. Чрезвычайное законодательство разрабатывалось с подачи Горбачёва. Применение спецназа и вооруженных сил в Вильнюсе, Тбилиси, Баку и Фергане, сопровождавшееся человеческими жертвами, вызвало резкие протесты населения, что еще более усилило критику перестройки и лично Горбачёва. В условиях обострения политической борьбы Горбачёв, по моему мнению, не выдержал напора как оппозиционных, так и социалистических сил. Как руководитель государства и как ведущий партийный политик, он не проявил силы воли, мужества, патриотизма и веры в победу. Он постоянно лавировал, отступал, успокаивая себя и соратников, что выход в политике централизма, в поиске компромиссов. На последней стадии кризиса СССР, уже после Фороса, он пытался договориться с Ельциным, но президент России, набравший силу и почти перехвативший власть, пошел на договоренность с Горбачёвым насчет подписания нового союзного договора (а точнее говоря, договора о союзе суверенных государств (ССГ), что уже было уступкой со стороны Горбачёва) — только из тактических соображений. После провала путча ГКЧП Ельцин последовательно лишил Горбачёва власти, концентрируя у России все prerogatives СССР. Но верхом беспринципности Горбачёва стали сложение с себя 24 августа 1991 г. полномочий Генерального секретаря ЦК КПСС и выраженная им рекомендация о самороспуске ЦК КПСС. Компартия, в том числе КП РСФСР, была фактически запрещена на территории России вплоть до решения судом вопроса о причастности КПСС к ГКЧП. Но Горбачёв не выступил в защиту своей партии ни тогда, когда Ельцин в его присутствии 23 августа на заседании Верховного Совета демонстративно подписал указ о запрете деятельности компартии, ни позднее, когда шли судебные заседания по «делу КПСС», на которые бывший генсек ни разу не явился, отделавшись письмом в СМИ. Отказ Горбачёва от КПСС возмутил как членов партии, так и большинство народа.

¹⁶ Там же, с. 91.

¹⁷ Болдин В. И. Крушение пьедестала. М., 1995, с. 360.

Вспоминаю, как нас, работников аппарата ЦК, выгоняли 23 августа из зданий на Старой площади. Прозвучало объявление по внутренней радиосети, что необходимо всем покинуть здание. Уточнили, что Горбачёв дал на это согласие. Затем срочно собрали совещание у секретарей ЦК В. И. Купцова, П. К. Лучинского и А. С. Дзасохова, где руководителям отделов были разъяснены условия ухода и обещано со ссылкой на префекта Центрального округа Москвы, что позднее представится возможность заглянуть на свои рабочие места, чтобы забрать личные вещи. А пока под улюлюканье толпы и досмотр сотрудниками охраны (из состава все того же 9 управления КГБ) мы покидали здание через задние ворота. Меня ждала на улице в толпе взволнованных родственников дочь Дина. По гроб жизни буду добрым словом вспоминать нашего водителя Сергея, который ждал нас на улице Разина и отвез на дачу в Успенском. Вместе с женой Тамарой и дочерью Диной мы быстро начали собирать наши вещи, а Сережа вечером отвез их на городскую квартиру. Утром нас уже отрезали от цеховского автотранспорта. Но помогли родственники и друзья. Когда мы в тот день уезжали, хотя пребывание на даче было оплачено по октябрь включительно, принимавшая от нас ключи работница хозотдела сказала: «Все восстановится, вот увидите. КПСС не исчезнет». Через пару дней начались другие волнения — телефонные звонки и приезды домой нарочных, вручавших повестки с вызовом на допрос в прокуратуру РСФСР. Господа следователи спрашивали, чем занимался Отдел, где был и что делал В. М. Фалин и попутно искали «золото партии». А затем для меня начались мучительные поиски работы. О командировке послом и думать не приходилось, это стало ясно еще в середине 1990 г., когда Шеварднадзе возразил против предложения Фалина о назначении послами в восточноевропейских странах ряда работников аппарата ЦК. Позднее департамент кадров МИД уходил от любых обещаний. В августе 1991 г. новый министр иностранных дел А. В. Козырев, временно занявший секретарский кабинет в 3-м подъезде здания ЦК, «промурыжил» меня в приемной в течение часа, а потом отказался встречаться. Ничем мне не помог и первый заместитель министра иностранных дел В. Ф. Петровский, с которым мы общались в советские времена. После долгих блужданий, в том числе попыток заниматься бизнесом, мне удалось, как я отмечал выше, устроиться на работу в Дипакадемию. С благодарностью вспоминаю настоятельные советы своего отца, посла СССР в отставке Л. Н. Мусатова, а также усилия заместителя министра иностранных дел С. Б. Крылова и ректора Дипакадемии С. К. Романовского, помогавших мне вернуться к своей профессии.

В отличие от экс-президента СССР Ельцин шел к намеченной цели, не считаясь с потерями и моральными ценностями. Как теперь считается, сепаратизм шел сверху, дорогу ему прокладывал Ельцин. Сложилась беспрецедентная история: империя, Россия, фактически выталкивала колонии, союзные республики. Ельцину надо было развалить Союз по одной причине — устранить Горбачёва. Очевидно, были и другие варианты, например, победа на выборах, но избрали более «простой путь»¹⁸. Ради получения верховной власти он был готов на все, даже на сговор с Кравчуком и Шушкевичем о прекращении существования СССР, а в 1993 г. — на разгон и расстрел мятежного парламента. Осмысливая эти события, Президент Казахстана Н. А. Назарбаев в 1992 г. заявил: «Без России Союз не распался бы». Есть все основания говорить и о «черной роли» президента Украины Кравчука (кстати, бывшего секретаря ЦК КПУ по идеологии), который подталкивал Ельцина к тому, чтобы новый Союз был как более аморфным, иначе, мол, Киев не подпишет договор. По некоторым данным, Кравчук раньше Ельцина известил президента США о готовящейся встрече в Беловежской Пуще.

Конечно, в новой России Горбачёву не нашлось места. Его попытка создать социал-демократическую партию, которую он когда-то замыслил вместо КПСС,

¹⁸ *Адамишин А.* Философия влияния в XXI веке. — Россия в глобальной политике, 27.VI.2014.

провалилась. Народ давно уже ему не верил. Ельцин мстил экс-президенту до конца. Когда канцлер Г. Коль начал просить за Горбачёва, утверждая, что тот бедствует, Ельцин показал ему документы о размере пенсии экс-президента, о его даче, охране и других льготах. Горбачёву однако пришлось уйти из здания бывшего Института общественных наук при ЦК КПСС (Международная Ленинская школа) и строить на Ленинградском проспекте новую штаб-квартиру для своего Горбачёв-фонда.

У бывшего президента СССР сохранились, как я понимаю, обиды на Буша и других западных лидеров. Он переоценил их отношение к нему лично и к перестройке, вернее он не понял, что их интересовал не демократизм советской системы, а развал Советского Союза. Особенно его задел прохладный прием на встрече с «семеркой» в Лондоне летом 1991 г. Они выбросили свыше 100 млрд долл. на войну в Персидском заливе, говорил Горбачёв, а ему, отцу перестройки, не нашли 20 млрд долл. Но американскую «Медаль Свободы» из рук президента США он принял в 2008 г. равно, как и чек на 100 тыс. долл.

Подводя итог, в целом по всей совокупности деяний политическая деятельность Горбачёва, по моему убеждению, не заслуживает особо высокой оценки. Когда говорят об окончании конфронтации, о прекращении «холодной войны» и о сокращении ракетно-ядерных вооружений, то позиция руководства СССР, конечно, играла важную, даже нередко инициативную роль, но не будем забывать, что речь все-таки идет о двусторонних советско-американских договоренностях. Но даже если считать, что «изменение внешнеполитического курса, разоружение и сближение с Западом стали самыми большими достижениями М. Горбачёва», то сам факт, что «сегодня разворачивается вторая “холодная война” указывает на то, — отмечает известный политолог В. Иноземцев, — что и здесь что-то пошло не так»¹⁹. Что же касается реформаторской деятельности бывшего президента в нашей стране, то вместо обновления страны, ее модернизации и роста народного благосостояния наступил экономический и социальный кризис, вместо свободы пришла анархия, а затем произошел всеобщий крах, причем в одночасье распалось мощное единое государство. Народ, разуверившийся в Горбачёве и перестройке, уставший от его речей о свободе, демократии, гласности и правах человека, безмолвствовал. Не было демонстраций в поддержку как Горбачёва, так и КПСС. Дискуссия о роли Горбачёва, о его ответственности за развал СССР продолжается. Если бы в 1991 г. в ходе так называемого путча победили представители традиционной партийно-государственной элиты, противники Горбачёва, то неминуемо возник бы вопрос о его политической и уголовной ответственности. Но победу одержал Ельцин, который ненавидел Горбачёва, но сам он был выходцем из КПСС, и к нему тоже имелось немало претензий. Может быть, у Ельцина чесались руки, но западные деятели, прежде всего американские, явно не позволили поднимать вопрос о судебном преследовании Горбачёва. Он был их партнером по изменению соотношения сил в мире, он довел Советский Союз до исчезновения, а КПСС до запрета. Российскому руководству заниматься «разборками» прошлого, явно сейчас не с руки, есть вещи поважнее. Другое дело, что нынешнему руководству России практически во всех государственных делах приходится сталкиваться с последствиями ошибочных решений того времени, с нерешенными или сознательно отложенными проблемами.

Сейчас кое-кто, даже отдельные депутаты Госдумы, поднимают вопрос об организации суда над Горбачёвым. Основания для этого, конечно, имеются, но тогда уж надо идти до конца и ставить вопрос об ответственности и Ельцина. Они оба несут ответственность за развал прежней великой страны. Но, по всей видимости, этот вариант с судом выглядит бесперспективным, особенно в свете участия В. В. Путина в открытии Центра Ельцина в Екатеринбурге. Ведь есть простой вопрос, который перекрывает все другие варианты: а кто выдвинул Путина на пост президента России?

¹⁹ Иноземцев В. Пять уроков перестройки, которые мы не выучили. — <http://daily.rbc.ru/opinions/society/27/04/2015/>.

Что бы ни говорили сейчас, сам Горбачёв и его окружение об отношениях с соцстранами, Президент — Генеральный секретарь, нуждаясь в международной поддержке перестройки, фактически подталкивал союзные социалистические страны, правда, чаще всего не напрямую, а скорее косвенными методами, к переменам в духе советской перестройки, к смене руководителей, к расширению гласности и демократии, к изменению характера взаимоотношений и сотрудничества с Советским Союзом. В вихре перемен, вызванных Горбачёвской перестройкой, первыми рухнули социалистические страны в Восточной Европе, поскольку их системы были менее устойчивыми, они не отличались гибкостью и стабильностью, хотя были моложе советской модели на 30 лет, они находились в разной степени готовности к радикальным изменениям, переживали предкризисную стадию в экономике, увязли в долгах Западу. Руководители соцстран не смогли приспособиться к меняющейся обстановке, причем замены «старой гвардии», проведенные в 1988—1989 гг. в ряде стран не без подачи Горбачёва, не дали результата как с точки зрения качественных характеристик новых лидеров, их политического калибра, так и по причине явных промедлений с обновлением кадрового состава руководства. Без политической и экономической помощи и без военной поддержки Москвы правящие компартии европейских соцстран, отпущенные Горбачёвым в свободное плавание, не могли удержать власть, что нашло подтверждение в ходе демократических, антибюрократических революций 1989—1990 гг.

Как это все происходило? Став Генеральным секретарем ЦК КПСС, Горбачёв получил неограниченную власть, он мог, как никто другой, оказывать огромное влияние на внутреннюю и внешнюю политику СССР. Но на первых порах он был вынужден оглядываться на влиятельных членов Политбюро — А. А. Громыко, М. С. Соломенцева, Н. А. Тихонова, В. В. Гришина и Г. В. Романова. Из новых членов руководства он опирался на Е. К. Лигачева и Н. И. Рыжкова, которые активно поддержали его избрание на высший пост, а также на В. М. Чебрикова и А. И. Лукьянова. Затем Горбачёв перекроил на свой лад состав руководства, добавив близких по духу партнеров, прежде всего А. Н. Яковлева, В. А. Медведева и Э. А. Шеварднадзе. За шесть лет правления Горбачёва сменились весь состав Политбюро ЦК КПСС, три премьер-министра и практически все союзные министры.

В деятельности Горбачёва вначале проявились два подхода — стремление к обновлению политики, к отмене всего отжившего и консервативного и одновременно привязанность к традициям послевоенного периода, желание сохранить преемственность политической линии. Как отмечал помощник Генерального секретаря ЦК КПСС Г. Х. Шахназаров, политика Горбачёва на первом этапе была без изменений, «оставаясь в традиционных рамках и проводилась привычными устоявшимися методами, хотя и здесь динамичная личность нового советского лидера вносила оригинальные элементы»²⁰. Но по мере формирования политики перестройки и гласности (а весной 1985 г. не было еще никакой концепции, имелись лишь общие замыслы обновления и ускорения развития страны) усиливался отход от традиционных форм и начиналось «творчество», причем на эклектической основе, в обстановке усиливавшейся критики развития страны и деятельности партии на всем протяжении нашей истории.

М. С. Горбачёв в 1995 г. так рассказывал о своих замыслах в международной сфере: «Представления о необходимости серьезного изменения внешней политики сформировались у меня под воздействием многих факторов еще до моего избрания генсеком. Не стану утверждать, что к этому моменту в портфеле лежал детально разработанный план действий, но была достаточно ясная цель и, в общем виде, наброски первых шагов. Так что перестройка начала продвигаться сразу внутри и вовне, успех на одном

²⁰ Шахназаров Г. Цена свободы. Реформация Горбачёва глазами его помощника. М., 1993, с. 100.

направлении подталкивал движение на другом, неудача, соответственно, тормозила дело на обоих»²¹. Во внешней политике намечался поворот почти на 180 градусов. В необходимости этого надо было убедить членов коллективного руководства партии, а кого-то, кто возражал, просто поменять. Значительные персональные изменения в составе ЦК и Политбюро, первых секретарей обкомов партии были проведены в 1986–1987 гг. Венцом кадровых перетасовок явился вывод из состава ЦК в 1989 г. 110 заслуженных, авторитетных работников «по собственному желанию», перед последним съездом КПСС. Есть основания полагать, что кадровая чехарда была одной из главных ошибок творца перестройки.

Концепция перестройки, как она была сформулирована в докладах Горбачёва на съездах и пленумах, выступлениях и в его вышедшей в 1987 г. книге «Перестройка для нашей страны и всего мира», переведенной на многие языки в количестве 5 млн экземпляров, представляла смешение постулатов марксизма-ленинизма, идей современной европейской социал-демократии, американского либерализма и выводов, почерпнутых из докладов Римского клуба, комиссий Пальме, Брандта и Трехсторонней комиссии (международной неправительственной организации из авторитетных политических деятелей США, Европы и Азии). Уже в наши дни, анализируя итоги и последствия перестройки, Горбачёв-фонд в докладе, посвященном 20-летию перестройки, определял ее как «реформы сверху с целью кардинального обновления системы, которые переросли в массовое движение снизу. В концептуальном плане магистральную линию перестройки составила идея перехода от авторитарно-бюрократического социализма к его гуманистической модели, чьи контуры были очерчены в мировой социалистической мысли. Пик демократических преобразований в СССР пришелся на конец 80-х годов. Именно тогда общественная самодеятельность стала приобретать массовый, нередко спонтанный характер»²². Необходимо добавить, что первоначально программа перестройки строилась по принципу «больше социализма, больше демократии», но затем акцент был перенесен на демократию, а политика отодвинула в сторону экономику. Провал в этой сфере повлек за собой провал всей перестройки.

Одна из центральных позиций в философии перестройки выражалась в том, что приоритет отдавался глобальным, общечеловеческим ценностям, классовые интересы отводились на задний план. Провозглашался отход от конфронтации, отказ от применения силовых решений в пользу политических методов. Выдвигался лозунг деидеологизации международных отношений и внешней политики. Миру было представлено новое политическое мышление. В Европе предлагалось распустить военные блоки и построить «общеευропейский дом». Во всем чувствовалось сильное идеализированное начало, которое было позднее усилено нарочитыми восторгами на Западе, прежде всего в адрес творца перестройки и нового мышления, поскольку Москва на глазах — и самостоятельно! — меняла прежнюю политику.

В области внешней политики М. С. Горбачёв намеревался прервать конфронтацию, притормозить гонку вооружений, снять угрозу ядерного конфликта, восстановить доверие, установить нормальные отношения с Западом, прежде всего с США. На базе равноправия и паритета, провозглашения широкоэшелонных мирных инициатив это сделать было трудно. «Угроза ядерного апокалипсиса побуждала искать неординарные пути выхода из этой ситуации. Развязать gordiev узел можно было, лишь изменив сложившийся конфронтационный порядок»²³. В выступлении Горбачёва на активе в МИД СССР в мае 1986 г. и в докладе на XXVII съезде КПСС было выдвинуто множество предложений. Речь шла о том, чтобы создать «принципиально новую концепцию всеобъемлющей безопасности, охватывающей все стороны отношений между

²¹ Горбачёв М. Жизнь и реформы, кн. 2. М., 1995, с. 7.

²² Российская газета, 1.III.2005.

²³ Там же.

народами и государствами, включая их человеческое измерение»²⁴, осуществить ядерное разоружение к 2000 г., сократить ракетные арсеналы, запретить и уничтожить химическое оружие, отказаться от создания других видов оружия массового уничтожения, снизить уровни военных потенциалов государств до пределов разумной достаточности, а также распустить военные блоки и не создавать новые, сократить военные бюджеты. Надо ли говорить, что эти предложения были сырыми, так сказать, непропеченными. Выступая в МИД, генсек сказал, что остановить роковой ход событий (сползание к ядерному конфликту) способен только Советский Союз. Невольно возникает вопрос, почему только Советский Союз? И так ли был неминуем ядерный конфликт, как это рисовала наша пропаганда? Например, авторитетный дипломат В. М. Фалин в записке на имя Генерального секретаря в мае 1988 г. писал по данному вопросу более корректно: «Не все, естественно, зависит от советской стороны. Многие физически невозможно и впредь сделать без взаимности США и их союзников. Но отныне всем известно или должно быть известно: объем и уровень разоружения зависит всецело от Запада»²⁵. Стратегия и тактика нашей внешней политики, по мнению Горбачёва, должна была заключаться в том, чтобы избежать ядерной опасности, но одновременно оградить интересы Советского Союза. Было подчеркнуто, что без ускорения невозможно сохранить мировые позиции социализма, без придания динамики развитию страны у нас нет перспективы, ибо нами создано отсталое общество. Горбачёв ориентировал советскую дипломатию на достижение успеха на всех крупных переговорах. Он считал, что «дипломатическая телега» двигается со скрипом, по старой наезженной колее. Нужно, дескать, настраиваться на компромисс и не думать, что другая сторона глупее нас. Очевидно, изначально Горбачёву развязки крупнейших проблем безопасности и разоружения виделись в определенных уступках на базе доверия и взаимной ответственности, в отказе от некоторых позиций, особенно в области разоружения. Рассуждая с позиций дня сегодняшнего, можно отметить, что советская внешняя политика, конечно, нуждалась в переменах, но не в такой кардинальной степени, как это наблюдалось в 1985–1991 гг.

Вначале генсек подчеркивал, что когда наметится перелом к лучшему во внутренних делах, то начнется перелом к лучшему и в делах внешних. Но катастрофой для нашей страны явилось то, что потерпев неудачу во внутренней перестройке, Горбачёв попытался компенсировать это успехами и высокой активностью на внешнеполитической арене, тем более что там он встречал признание. В спешке и достаточно бессистемно из Москвы выдвигались предложения, которые привели к сдаче многих наших исторических позиций. Запад выслушивал «лекции» о новом мышлении, но в практической области уступал нам гораздо меньше, чем добивался от советской стороны. Фактически Горбачёв осуществил коренной поворот во внешней политике, внешне третий по счету в истории Советского Союза после Сталина и Хрущева. Но этот принципиальный поворот, как считал К. Н. Брутенц, был «сопряжен с окончательным отказом от революционно-государственного прозелитизма»²⁶. Поворот, как полагает большинство специалистов, во многом совершался под прямым воздействием острейшего финансово-экономического кризиса, поразившего экономику и внешне-экономические связи Советского Союза. В результате поражения перестройки и после беловежского сговора Советский Союз утратил статус сверхдержавы и распался, а Россия, пережив эту геополитическую катастрофу, превратилась в региональную державу, которая пытается восстановить положение одного из ведущих мировых государств, стремясь попасть в пятерку самых развитых стран мира. Запад настолько привык после 1991 г. задвигать Россию, что речь президента Российской Федерации В. В. Путина в Мюнхене в 2007 г., когда он сказал, что Россия – великая держава, у нас есть свои

²⁴ Горбачёв М. Указ. соч., с. 9.

²⁵ Фалин В. М. Конфликты в Кремле. М., 1999, с. 337.

²⁶ Брутенц К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005, с. 132.

интересы и Москва будет проводить свою политику, вызвала переполох и изумление западных партнеров.

Вряд ли сам Горбачёв, взойдя на командирский мостик, предполагал, что его инициативы по реформированию внешней политики, в частности, в отношении стран социализма, приведут к таким неоднозначным результатам, впрочем, как и вся политика перестройки, первоначально нацеленная на обновление социализма в духе ленинизма, а потом сведенная к социал-демократической модели. Перестройка была задумана для модернизации и продления жизни социализма в Советском Союзе, а на деле она его похоронила. В этом отношении перестройка, как и хотел того Горбачёв, стала необратимой — она «разрушила как коммунистическую систему, так и советскую империю»²⁷. Таким образом, поражение перестройки затронуло не только сферу марксистско-ленинских идей, но и привело к потере советской государственности, советской федерации. Нечто подобное произошло и с союзными нам соседними государствами в Восточной Европе.

Как это происходило? В 1985—1986 гг. новому Генеральному секретарю среди первоочередных задач предстояло освоить и наследие своих предшественников — тесные союзнические отношения со странами социалистического содружества и государствами — членами Организации Варшавского Договора. Это направление во внешней политике СССР считалось по традиции приоритетным, но судьбы войны и мира, глобальной безопасности решались, конечно, не здесь. Для нового советского лидера, разумеется, на первом месте стояли вопросы отношений с США и ведущими западными странами. «Понимая, что никакое улучшение в мировых делах невозможно без участия США — говорил Горбачёв — мы, прежде всего, восстановили политический контакт с американским руководством»²⁸. В дальнейшем в политике Горбачёва к 1989 г. наступит момент, когда страны Восточной Европы, фактически сателлиты Советского Союза станут разменной картой в торге с западными державами за благосклонность к его курсу, за поддержку перестройки и, в том числе, за получение финансово-экономической помощи.

Пока же по инерции в 1985 г. решалась задача продления (без изменений) на 20 лет Варшавского Договора (возражала только Румыния, но затем Чаушеску согласился, получив от Москвы прибавку поставок нефти и расширение товарооборота). Позже была подновлена военная доктрина ОВД, причем в случае конфликта или войны все вопросы решались бы советским командованием. Горбачёв начинал по-старому, в духе доктрины «ограниченного суверенитета», правда, позже стал говорить об освобождении социалистических стран от великодержавных пут. А в деятельности ОВД после обновления военной доктрины было усилено по тактическим соображениям политическое начало. Но весной 1986 г. Генеральный секретарь на встрече с активом МИД заговорил о «новом этапе» в отношениях с социалистическими странами. Эти государства, по его мнению, давно прошли фазу своего формирования. Они стали зрелыми, обладают прочной экономикой и социальной сферой. Зачастую они живут лучше нас. И вывод — их больше нельзя водить за руку. Звучало все это неплохо, но если задуматься, то содержало и двусмысленность.

В деятельности М. С. Горбачёва на социалистическом направлении в 1985—1988 гг. можно выделить три линии:

1. После первого посещения социалистических стран и знакомства с их лидерами он укрепился во мнении о необходимости переводить отношения на новую основу, в том числе попытаться вновь наладить отношения с Китаем. Это удалось сделать в 1989—1990 гг. Горбачёв здесь разделяет с Дэн Сяопином заслуги в восстановлении советско-китайских отношений. В мае 1986 г. в записке в Политбюро ЦК КПСС «О некоторых актуальных вопросах сотрудничества с соцстранами» Генеральный секретарь

²⁷ *Иноземцев В.* RBC-daily, 27.IV.2015.

²⁸ Выступление М. С. Горбачёва в Филадельфии 19 сентября 2008 г. при вручении американской «Медали свободы». — www.gorbi.ru/rubrs/asp?art_id-26120&rubr_id-20&paid-g-2

изложил принципы отношений с социалистическими странами: подлинное равноправие, согласование позиций, совершенствование связей и общая ответственность за развитие мирового социализма при уважении суверенитета и самостоятельности каждой страны. Историческая часть записки не отличалась особой самокритичностью, но главное было в попытке обновить отношения, придать им новые импульсы и ослабить бремя, которое нес на своих плечах Советский Союз. Коллеги по Политбюро, рассмотревшие записку на заседании в начале июля 1986 г., поддержали Горбачёва. Как он считал, «за редким исключением все в руководстве видели зияющие дыры в системе сотрудничества с соцстранами, в особенности по линии народно-хозяйственной. И первым практическим шагом стала реформа внешнеэкономического механизма, начатая в августе 1986 г.»²⁹.

Была ограничена государственная монополия внешней торговли. 20 министерствам и десяткам крупных предприятий разрешили самостоятельно выходить на мировой рынок. Всем предприятиям предоставили право установления связей с партнерами в социалистических странах. Вопросы ценообразования по кооперационным поставкам передали на рассмотрение сотрудничающих предприятий при соблюдении общих параметров. Был решен и целый ряд других вопросов, включая упрощение порядка деловых поездок за рубеж. По оценке секретаря ЦК КПСС В. А. Медведева, отвечавшего до конца 1988 г. за связи с соцстранами, такой поворот носил волевой характер, он представлял забегание вперед с точки зрения общей реформы советской экономики. Такую же оценку дает и бывший Председатель Совета министров СССР Н. И. Рыжков. Предприятия и объединения не обладали еще материальными возможностями для прямых связей с зарубежными партнерами. Но это, дескать, делалось сознательно для оказания влияния на ускорение внутренней реформы экономического механизма, чтобы право выхода на зарубежный рынок постепенно наполнялось реальным содержанием³⁰.

2. Важным моментом стала активизация политических контактов высших руководителей. С осени 1985 г. действовал институт регулярных неформальных встреч первых секретарей компартий европейских социалистических стран. Имелось в виду, что этот инструмент позволит лучше, чем на Крымских встречах эпохи Брежнева, согласовывать вопросы внешней политики, экономического сотрудничества, а также обсуждать проблемы развития мирового социализма. Поскольку трудно было находить время для отдельных встреч, они чаще всего стали привязываться к заседаниям Политического Консультативного Комитета (ПКК) Варшавского Договора. Именно такая первая подобная рабочая встреча прошла в Софии осенью 1985 г. Поначалу этот механизм действовал, вызывая интерес партнеров, но затем, к сожалению, выродился в сугубо информационный, обычно в связи с советско-американскими саммитами.

3. В ходе своих контактов с руководителями союзных стран Горбачёв уловил потребность в перестройке экономических связей с «братскими странами», в реконструкции работы СЭВ. На партийной встрече в Софии в 1985 г. советская сторона предложила разработать комплексную программу научно-технического прогресса стран — членов СЭВ в целях ликвидации отставания содружества в области науки и техники. Попытка социалистических стран подключиться к европейским программам, в частности к «Эврике», не удалась, поэтому пришлось действовать, опираясь на собственные силы. Ничего хорошего из этого, как известно, не вышло. Позже по инициативе Горбачёва в Москве в ноябре 1986 г. была проведена Рабочая встреча высших руководителей стран — членов СЭВ для обсуждения вопросов взаимного сотрудничества. Некоторые руководители предлагали ограничить состав участников только странами ОВД, считая других слабообразованными, но советская сторона настояла на сэвовском характере, поэтому в Москву прибыли также Ф. Кастро, Ж. Батмунх и Чуонг

²⁹ Горбачёв М. Указ. соч., с. 315.

³⁰ Медведев В. Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма». М., 1994, с. 40; Рыжков Н. Перестройка: история предательства. М., 1992, с. 254.

Тинь Горбачёв, а вместе с ним в совещании участвовал Рыжков, во время этой закрытой встречи выступал три раза – по общему вопросу, о внешней политике Советского Союза и с заключительным словом.

Суть позиции, изложенной Горбачёвым, сводилась к следующему. Перед социалистическими странами стоит «неумолимая альтернатива»: либо социализм резко прибавит шаг, выйдет на самые передовые рубежи науки, техники, экономики, убедительно продемонстрирует привлекательность нашего образа жизни, и тогда упрочатся его позиции в мире, откроются новые перспективы мирового революционного процесса; либо – увязнем в трудностях и проблемах, утратим динамизм, и тогда начнут нас теснить, попытаются отбросить назад со всеми вытекающими отсюда последствиями для судеб социализма и мира. А с учетом той огромной роли и ответственности, которую несет на своих плечах мир социализма, это скажется и на судьбах человечества. Вот, по сути, какова цена нынешних решений и действий каждой из наших партий и всех нас вместе». По мнению Горбачёва, все братские партии едины в том, что надо активизировать такой «могучий фактор прогресса», как сотрудничество соцстран. Он заявил, что перестройку в Советском Союзе следует рассматривать не только как внутреннюю советскую потребность, но и как вклад в решение проблем мирового социализма. Остановлюсь на этом моменте. Горбачёв провозглашал самостоятельность и независимость социалистических стран, но практической политикой он навязывал им свою концепцию перестройки, независимо от их состояния и готовности. В этом вопросе я не могу согласиться с Шахназаровым, который в своей замечательной книге «Цена свободы» написал, что якобы «необоснованны утверждения, будто Горбачёв намеренно пытался перенести перестройку на почву всех социалистических стран. Это выдумка»³¹. Какая выдумка, когда здесь крылась причина его стычек и трений с лидерами стран Варшавского Договора? Некоторые руководители испытывали и личную антипатию к Горбачёву. Он действительно говорил, что главный инструмент воздействия на союзников – это сила примера перестройки. Но попыток вмешательства было немало (направление указаний послам, или другим представителям о корректировке при встречах с лидерами соответствующих стран некоторых вопросов в желательном для Москвы ключе; навязывание встреч советского президента-генсека с полным составом руководства партий, поскольку их ведущие руководители придерживают часть информации, идущей от Горбачёва, не все доводят до сведения остальных членов руководства, и т.д.). Отголоском прошлого в новых политических условиях называет стремление Москвы заставить соцстраны встать на путь перестройки российский исследователь М. Ю. Прозуменщиков. Но и здесь возникали большие проблемы, поскольку Президент и его команда не смогли сформулировать, что означает на практике соцстран концепция перестройки и что такое «демократический социализм»³². Ряд венгерских, польских и восточногерманских руководителей прямо заявляли, что многие вопросы (рыночного хозяйства, политического плюрализма и др.) давно реализованы в их странах, и им нечего брать из этого опыта перестройки в СССР.

Когда же Горбачёв счел, что стареющие лидеры соцстран, даже те, к кому он демонстрировал уважение, нуждаются в замене, то естественно, что эти руководители в ответ проявляли простое чувство самосохранения.

Давая на Рабочей встрече (ноябрь 1986 г.) характеристику ситуации в мире социализма, Горбачёв был осторожен, чтобы не наткнуться на возражения партнеров. Он сказал, что новый строй доказал свою прочность, выдержал кризисы, усугубленные действиями империалистов. Но надо, дескать, дать правильную, бескомпромиссную оценку и возникшим проблемам. «Во второй половине 70-х – начале 80-х годов

³¹ Шахназаров Г. Цена свободы..., с. 100.

³² Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы, с. 8.

развитие мировой социалистической системы замедлилось». По данным Отдела ЦК КПСС среднегодовой прирост национального дохода в странах СЭВ сократился с 6,5% в 1971–1975 гг. до немногим более 2% в 1981–1982 гг. Не только в кризисной Польше или в Венгрии, но и в ряде других стран произошло абсолютное падение используемого национального дохода. В СССР наблюдался нулевой прирост ВВП. Лишь в Китае происходило заметное ускорение в экономике, но социальная обстановка оставалась напряженной. Горбачёв отмечал, что «появились неблагоприятные тенденции в экономике и социально-политической сфере. Не удалось вовремя и с должным размахом соединить достижения научно-технической революции с преимуществами планового социалистического хозяйства. Запоздали со структурной перестройкой экономики, переводом ее на рельсы интенсификации. Конечно, и в этот сложный период социалистические страны не стояли на месте, а некоторые сумели сохранить неплохие темпы роста. И все же, если брать содружество в целом, приходится признать: произошел спад динамики»³³.

М. С. Горбачёв указал и на негативные последствия широкого применения отдельными странами западных кредитов и технологий. По его мнению, необходимо налаживать связи с Западом, но сотрудничество должно быть свободно от попыток использовать его в неблагоприятных политических целях. Горбачёв не мог не затронуть такой деликатный вопрос, как роль СССР в становлении соцстран после Второй мировой войны и вместе с тем его ответственность за создавшееся к 80-м годам положение. Советскому Союзу, как он сказал, пришлось выступать в роли «своего рода опекуна в мире социализма (хорошо ли это делалось или плохо, удачно или неудачно, я сейчас не говорю)». Сложившийся тип сотрудничества (фактически патернализм, нередкое вмешательство во внутренние дела, копирование советского опыта и др., хотя Горбачёв об этом прямо не сказал) был объясним на начальной стадии, но по мере укрепления братских стран, роста их экономической мощи и политической стабильности он все меньше оправдывал себя. Постепенно, по словам Горбачёва, такого рода отношения стали превращаться в «тормозящий фактор нашего развития». Самокритично было отмечено, что некоторые советские товарищи считали себя чуть ли не единственными хранителями учения марксизма-ленинизма, проявляли подозрительность к творческим поискам других стран. Но проявлялась и другая тенденция – отдельные страны стали замыкаться, искать решения не на коллективной основе.

Что же предложил лидер Советского Союза после таких оценок, которые впервые прозвучали на форуме высших руководителей соцстран? Горбачёв изложил принципы взаимоотношений стран социалистического содружества, которые означали отказ от так называемой доктрины Брежнева (без прямого указания на это в тексте выступления) и перестройку сотрудничества со своими социалистическими партнерами. В ряде научных работ указывается, что руководители соцстран не поняли, о чем идет речь. Сам Горбачёв дал такую оценку в выступлении на конференции в Горбачёв-фонде в ноябре 1995 г.³⁴

На рабочей встрече 1986 г. говорилось о том, чтобы политические отношения строились на основе равноправия и взаимной ответственности. Никто в соцсодружестве не может претендовать на особое положение. Безусловные принципы – самостоятельность каждой партии, право суверенно решать вопросы развития страны, каждая партия несет ответственность за свою политику перед собственным народом. (Опытные руководители «братских партий» уловили этот нюанс – они отвечают за свои решения перед своими народами, а не перед Москвой и мировым коммунистическим движением). Горбачёв постарался смягчить данный резкий поворот, он пояснил, что успехи содружества невозможны без заботы каждой партии и страны не только о собственных,

³³ Личный архив автора.

³⁴ Личный архив автора.

но и об общих интересах, без уважительного отношения к друзьям и союзникам, обязательного учета их интересов и опыта. В центр сотрудничества надо поставить обмен опытом социалистического строительства. Позже у Горбачёва новая настроенность выражалась так: вы, дорогие товарищи, сами отвечаете за свои дела, сами ищите выход. Иногда он добавлял: в рамках социалистического выбора.

В экономических отношениях рекомендовалось последовательно соблюдать принципы взаимной выгоды и взаимной помощи. Естественная основа социалистической интеграции — эквивалентный обмен продуктами национального труда. Но Горбачёв отметил необходимость оказания коллективной помощи странам с менее развитой экономикой — Кубе, Вьетнаму, Монголии с целью включения их в систему социалистического разделения труда. Это не вызвало положительных откликов у «европейцев», никто не хотел помогать, хотя руководители этих стран просили дополнительной помощи. Помогать опять должен был Советский Союз.

В международных делах Горбачёв в выступлении сделал акцент на сочетании инициативы каждого с общей согласованной линией. Ни одна страна, включая Советский Союз, сказал он, не может решать свои национальные задачи на международной арене в изоляции от общего курса. И точно так же согласованная внешняя политика может быть эффективной только в том случае, если учитывается вклад каждого государства в общее дело.

В сфере сотрудничества предлагалось закрепить практику проведения Рабочих встреч высших руководителей, повысить эффективность контактов глав правительств, совещаний секретарей ЦК компартий, активизировать связи парламентов, профсоюзов, молодежных организаций и т.д. Вопрос о реформе СЭВ решено было проработать дополнительно. Горбачёв говорил о необходимости ускорить ход интеграционного процесса. По его мнению, СЭВ должен сконцентрироваться на согласовании экономической политики, разработке долгосрочных программ сотрудничества и различных проектов. А другой задачей явится разработка и согласование нормативных основ интеграционного механизма, правовых и экономических условий прямых связей предприятий. Но это были замыслы. По линии СЭВ состоялись две сессии, но без особого результата. В частности, на 43-й внеочередной сессии СЭВ в октябре 1987 г. было решено разработать коллективную концепцию социалистического разделения труда на 1991—2005 гг., а также программы многостороннего сотрудничества европейских стран — членов СЭВ с Вьетнамом, Кубой и Монголией. Понятное дело, что все это осталось пустым пожеланием.

На Рабочей встрече в Москве (ноябрь 1986 г.) руководители социалистических стран в целом поддержали Горбачёва. Особо ему понравилась позиция В. Ярузельского, а также, хотя в меньшей степени — Я. Кадара и Ф. Кастро. Было замечено, что Г. Гусак и Т. Живков поддержали Горбачёва с оговорками. Живков позднее прямо говорил, что в предложениях Горбачёва не было ничего нового по сравнению с тем, что выдвигали в свое время Хрущев и Брежнев. Горбачёв в своем кругу критиковал выступление Н. Чаушеску («он, оказывается, все сделал до нас, и перестройка в Румынии началась в 1965 г.», «позиция Румынии, особенно по международным вопросам, часто не совпадала с общим мнением»). Но подобные заявления делал и Э. Хонеккер. Следует отметить, что Чаушеску и Хонеккер, поддерживая идею улучшения сотрудничества на межгосударственном уровне, негативно отнеслись к предложению о расширении прав и самостоятельности предприятий, особенно установлению прямых связей с партнерами.

По мнению Горбачёва, выраженному в его мемуарах, Рабочая встреча в Москве (ноябрь 1986 г.) «была серьезной попыткой сообща найти пути преодоления нараставших во всех странах СЭВ экономических и социальных трудностей. Они грозили перерасти в непредсказуемый по силе и последствиям кризис, но всей глубины его тогда еще никто не осознавал. Вроде бы рассуждали основательно, не уходили от болезненных, «неприятных» проблем, а у меня все-таки осталось впечатление некоторой теоретической отстраненности от жизни. Не слишком верилось, что наши дебаты дадут

импульс к неотложным действиям»³⁵. Но на заседании Политбюро 13 ноября 1986 г. Горбачёв выступал иначе. Как отмечает в своих рабочих записях член Политбюро ЦК КПСС В. И. Воротников, генсек был доволен итогами встречи: «Встреча очень продуктивная, откровенная, конструктивная. Концепция ускорения, перестройки, человеческого фактора поддержаны ими. Наши оценки КПСС, ее роли и места нашли понимание. Согласились с тем, что следует укреплять связи в области организационно-партийной работы, культуры и идеологии, международных отношений. Ввести в практику регулярные встречи секретарей ЦК по этим вопросам. Шел разговор о необходимости серьезной перестройки деятельности СЭВ, ее совершенствовании. Они готовы сотрудничать, но больше на двусторонней основе. Поддержана друзьями идея о совместной встрече с участием стран Европейского сообщества (СЭВ и ЕЭС). Выказались за разработку специальной программы»³⁶.

Главное было в другом. Перестроить экономические отношения, фактически на рыночной основе, не удавалось. И времени было мало, и механизм связей был не проработан. Принятая в конце 1985 г. комплексная программа научно-технического прогресса стран – членов СЭВ осталась на бумаге. Из 93 тем, сгруппированных по пяти направлениям, только третья часть предусматривала выход на мировой уровень. Не была доработана проблема финансирования, отсутствовал общий экономический механизм. Многие разработки оставались на уровне проектов и не были доведены до производства.

Партнеры были скептически настроены в отношении способности перестроить СЭВ, они скорее были готовы развивать двусторонние отношения с Советским Союзом. В. А. Медведев отмечал, что как только СССР внес предложения о реконструкции СЭВ, наши партнеры задумались. А до этого сами говорили о переменах. Не были созданы ни объединенный рынок, ни таможенный союз, не удалось приблизиться к конвертируемости, прежде всего рубля. Об общей валюте речи не шло. Авторитет СЭВ упал. Очень трудно проходила координация народнохозяйственных планов на следующую пятилетку 1991–1995 гг. Возможности Советского Союза были ограниченными, товарооборот падал. Нарастала задолженность соцстран западным странам (порядка 120 млрд долл., без СССР и КНР). Но новым моментом было появление задолженности Советского Союза «братским странам», поскольку советские предприятия, занятые лихорадочной перестройкой, срывали поставки. Отрицательное сальдо внешней торговли со странами СЭВ составило в 1989 г. 2,6 млрд рублей (а с развитыми капстранами – 4,1 млрд рублей). Партнеры – соцстраны отказывались от закупки военной техники в СССР. Критической была ситуация с экспортом советской нефти и энергоносителей из-за падения цен на мировом рынке. Москва срезала в 1980 г. на 10% поставки нефти в соцстраны, но не решилась пойти на эту меру в отношении Польши, где внутренний кризис подошел к последней черте. Советское руководство в 1986 г. еще не забывало об обязательствах обеспечивать политическую стабильность европейских соцстран, поэтому затем поставки нефти в соцстраны до 85,3 млн т (в 1980 г. – 84,8 млн т). Но после уменьшения впервые в советской истории добычи нефти в 1985 г. (на 12 млн т) пришлось сократить экспорт нефти в капстраны до 37,6 млн т (в 1983 г. их объем составил 44,8 млн т)³⁷, что отрицательно сказалось на поступлении валюты.

Ставка на создание совместных предприятий с соцстранами не принесла положительных сдвигов. На первое января 1989 г. их насчитывалось 191, на первое апреля 1990 г. уже 1483³⁸, но доля их продукции была маленькой. Нужно отметить, что

³⁵ Горбачёв М. Указ. соч., с. 317.

³⁶ Воротников В. И. А было это так. М., 2003, с. 131.

³⁷ Социалистические страны и страны капитализма в 1986 г. Статистический сборник. М., 1987.

³⁸ Материалы делегату XXVIII съезда КПСС. М., 1990, с. 352–354.

надвигавшийся финансово-экономический кризис в Советском Союзе, а руководство социалистических стран ощущало его приближение, накладывал тень на всю систему сотрудничества и отрицательно сказывался на внутреннем положении в социалистических странах.

Углубление кризиса в Советском Союзе не было секретом ни для кого. В Основных направлениях стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике, одобренных Верховным Советом СССР 19 октября 1990 г., прямо говорилось о «глубоком экономическом кризисе в стране». И далее: «Положение в народном хозяйстве продолжает ухудшаться. Снижаются объемы производства, рвутся хозяйственные связи. Усиливается сепаратизм. Опустошен потребительский рынок. Дефицит бюджета и платежеспособность государства достигли критических величин. Нарастают антисоциальные явления и преступность. Все более трудной становится жизнь людей, падает их интерес к труду, рушится вера в будущее. Экономика находится в крайне опасной зоне — старая административная система разрушена, а новые стимулы работы в условиях рынка еще не созданы. Нужны энергичные меры, основанные на общественном согласии, для стабилизации положения и ускоренного продвижения по пути к рыночному хозяйству»³⁹.

После слабого выступления Горбачёва на сессии Верховного Совета 16 ноября члены Политбюро и секретари ЦК на ночном заседании уговорили генсека — президента выступить на другой день более решительно. Горбачёв 17 ноября 1990 г. внес восемь предложений по укреплению основ исполнительно-распорядительной власти, предложив, в частности, учредить вместо Совмина Кабинет министров (его возглавил В. С. Павлов, заменивший в январе 1991 г. серьезно заболевшего и ушедшего в отставку Рыжкова), ввести пост вице-президента (по настоянию президента со второй попытки им стал Г. И. Янаев) и провести референдум о сохранении Союза как обновленной федерации равноправных суверенных государств. IV Съезд народных депутатов в декабре принял эти предложения, предоставив Горбачёву новые большие полномочия: непосредственно руководить Кабинетом министров, возглавлять Совет федерации и Совет безопасности.

На референдуме 17 марта 1991 г. большинство населения (76% из 80% граждан, внесенных в списки для голосования), высказалось за сохранение СССР. Отказались участвовать в референдуме три республики Прибалтики, Грузия, Армения и Молдавия. Референдум имеет обязательную силу, но союзные власти, прежде всего, президент Горбачёв не предприняли энергичных шагов по сохранению союзного государства. Время было потеряно. Советский Союз распадался, а его руководитель все больше терял авторитет. В конце 1990 г. рейтинг его популярности составил примерно 20% и продолжал падать⁴⁰. Два красноречивых факта: на съезде народных депутатов СССР в декабре 1990 г. депутат от КПСС Сажи Умалатова предложила вынести недоверие Горбачёву, заявив, что «менять надо не только курс, но и главу государства». Министр иностранных дел Шеварднадзе на том же съезде подал в отставку, протестуя против якобы грядущей диктатуры. Позже он вышел из КПСС. Его шаг свидетельствовал о расколе в верхушке. Шеварднадзе, которого Горбачёв сначала планировал избрать вице-президентом, и не скрывал, что не доверяет Горбачёву.

А следующий «бунт» против Горбачёва произошел на апрельском (1991 г.) пленуме ЦК при обсуждении доклада В. С. Павлова, когда группа членов ЦК потребовала отставки Генерального секретаря. А до этого отставки потребовала депутатская группа «Союз». Конфликт был улажен с большим трудом.

Горбачёв был вне себя. Думаю, что именно тогда он решил на всякий случай разработать меры чрезвычайного порядка. Мне как первому заместителю заведующего Международным отделом ЦК довелось присутствовать на этом пленуме

³⁹ История современной России. Документы и материалы (1985–1999), ч. 1. М., 2011, с. 259.

⁴⁰ *Медведев Р.* Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи. М., 2010, с. 426.

в качестве приглашенного. Отчетливо помню, как нарастала критика Горбачёва в прениях от выступления к выступлению (таких выступлений насчитывалось 22). Генсек сидел в президиуме с багровеющим лицом. А когда один выступавший сказал, что Горбачёв завел страну в тупик, генсек не выдержал и заявил, что поскольку 70% выступающих критикует генсека, он подает в отставку. Был объявлен большой перерыв. Часть товарищей, с кем я общался, считали, что надо проводить Горбачёва, поблагодарив за его перестроечные усилия. Другие полагали, что необходимо избежать раскола партии и скандала с отставкой. Это, мол, усугубит кризис власти и партии.

А в это время члены Политбюро ЦК во главе с В. А. Ивашко пытались примирить протестующих и генсека, замаять весь этот инцидент. Насколько мне помнится, в так называемой группе поддержки Горбачёва, обрабатывавшей участников пленума и собиравших их подписи в поддержку Горбачёва, весьма активными были А. И. Вольский и пресс-секретарь президента, мой однокурсник по МГИМО и коллега по Международному Отделу ЦК — А. С. Грачёв. Долго заседало Политбюро. В итоге Горбачёва уговорили (а он, вероятно, особенно и не сопротивлялся), вопрос о замене генсека сняли с рассмотрения, «исходя из высших интересов страны, народа и партии». За это решение проголосовали 322 человека, против было 13, воздержались 14 человек.

В общем, члены ЦК КПСС, понимая, что генсек теряет популярность, а его усилия по выходу из кризиса подвергаются критике, тем не менее согласились оставить его на прежнем посту. Почему? Куда делся запал против Горбачёва? Во-первых, номенклатура всегда предпочитала откладывать решения, а тут приближался новый съезд партии, где предполагалось обсудить все назревшие проблемы и избрать новый состав ЦК. Естественно, каждый думал о себе; во-вторых, Горбачёва только недавно по предложению КПСС избрали президентом СССР; в-третьих, у членов ЦК в тот момент не было авторитетного и надежного кандидата на пост генсека. Рыжков отпал, Яковлев и Лигачев бились друг с другом, Ивашко и Шенин не были настолько известными политиками. Оставался Ельцин, набиравший популярность, но он вышел из КПСС и вообще вел свою игру. Правда состоит в том, что по существу никто в партийном «хурале» по-серьезному не хотел общепартийной дискуссии, все боялись развала, хотя партия уже не была единой, внутри нее плодились платформы и клубы. Вот так в апреле 1991 г. Горбачёв одержал пиррову победу. До августа осталось четыре месяца.

Слух о том, что Горбачёв едва не потерял власть, быстро разошелся. У Спаской башни толпились журналисты, атакуя вопросами расходящихся участников пленума⁴¹.

Как на заседаниях в ноябре — декабре 1990 г., так и в первой половине 1991 г. Горбачёв все время получал сигналы и обращения от обеспокоенной партийно-государственной элиты о необходимости принятия срочных мер по выправлению ситуации. Усиливавшиеся сепаратистские проявления в союзных республиках, направленные на выход из-под контроля Москвы, на демонтаж единого политического, административного, экономического и финансового пространства, перечеркивали все попытки стабилизации обстановки. Прибалтийские республики без всяких референдумов провозгласили независимость, США и западные державы их поддержали, причем президент США Дж. Буш-старший уделил этой теме приоритетное место еще в переговорах с Горбачёвым на Мальте. Но главные деструктивные процессы, влиявшие на судьбу СССР, проходили в России и на Украине. С избранием Ельцина на пост председателя Верховного Совета РСФСР его борьба за власть с Горбачёвым приобрела новое грозное звучание, способствуя краху советской федерации. Шансы Ельцина усилились в июне 1991 г., когда он был избран

⁴¹ Личный архив автора.

президентом России, получив 57,3% голосов. Два политика потратили много сил на согласование проекта нового Союзного договора, причем Ельцин добивался своих целей. Планировалось начать поэтапное подписание договора 20 августа, хотя не все республики были согласны с проектом договора.

А экономическая ситуация в стране продолжала обостряться. У правительства не было валютных резервов, значительно уменьшились запасы золота, которые приходилось тратить на оплату импорта, прежде всего продовольствия, и процентов по полученным кредитам. Только в конце января 1991 г. Кабинет министров направил в Верховный Совет СССР расплывчатую программу действий по выводу экономики СССР из кризиса. Павлов провел денежную реформу и повышение цен. На этом энергия правительства иссякла. Руководство России использовало эти меры для обвинения союзного центра в проведении антинародной политики, усугубляющей обнищание населения.

Окончание следует